

Л.А. ПРИБЫТКОВА.

ЗИГМУНД ФРЕЙД.

Размышления над прочитанным.

ИРКУТСК. 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие.

Глава 1. Жизнь и деятельность Фрейда.

А. Историография вопроса.

В. Биография.

Глава 2. Учение Зигмунда Фрейда.

А. Психоанализ.

Б. Социальная философия.

Библиография.

Министерство образования российской федерации.
Иркутский государственный педагогический университет.

ЛЮБОВЬ ПРИБЫТКОВА.

ЗИГМУНД ФРЕЙД.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ.

Иркутск. 2003.

Печатается по решению редакционно-издательского отдела.

Прибыткова Л.А.

Зигмунд Фрейд. Размышления над прочитанным.
Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2003. с. 102.

Монография предназначена для всех, интересующихся учением австрийского врача, психолога и философа Зигмунда Фрейда.

Рецензенты: Туев В.А., доктор философских наук, профессор БГУЭП. Сеницына Л.Н., кандидат философских наук, доцент БГУЭП.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

За последнее десятилетие в России изданы большим тиражом наиболее известные произведения австрийского ученого Зигмунда Фрейда / 1856 – 1939 /. Это дает возможность всем желающим свободно знакомиться с психиатрическим опытом, психологическими, философскими и культурологическими построениями этого выдающегося исследователя психической жизни человека. Уменьшит опасность крайностей в оценке фрейдизма, ослабит роль официальных тенденциозных интерпретаций концепций Фрейда, ликвидирует возникший в современной России нездоровый ажиотажный интерес к знаковым понятиям его теории, приблизит к истине познающих его учение.

Более сотни лет не исчезает интерес к доктору Фрейду, его личности, учению и деятельности. Его наследие полностью будет опубликовано по решению родственников лишь в XXII веке. Но даже то, что уже доступно для изучения, поражает нас своим всеохватывающим характером и парадоксальностью, оригинальностью и противоречивостью. Оно не перестает волновать человеческий ум, к нему обращаются психологи и философы, медицинские работники и люди искусства. Интерес представляет и личность Фрейда, сыгравшего за свою долгую жизнь много важных ролей. Он был пытливым студентом, серьезным врачом, известным ученым, активным общественным деятелем, страстным коллекционером антиквариата, любящим сыном, хорошим отцом и неплохим мужем. Он был представителем еврейского народа и, наконец, просто мужчиной. Обращение к последней роли, возможно, тоже немаловажно для понимания его научного поиска.

Страсти, закипевшие в конце XIX века вокруг первых фрейдовских идей, а затем его психоанализа, как диагностического метода и способа лечения невротических болезней, позже перекинулись на его “метапсихологию”, как Фрейд сам называл свое учение о личности и ее развитии. Попытка Фрейда в конце жизни заняться глобальными философскими обобщениями с помощью психоанализа истории и культуры, создание концепции человеческой цивилизации придали его учению целостность и законченность.

Его называли “Сократом нашего времени”, “гением в действии” и “шарлатаном”, “сексуальным маньяком”. И сегодня одни считают его учение гениальным, другие пишут о Фрейте как о “вожде идиотов”. Несомненно, актуальность исследованных Фрейдом проблем, находки и открытия, мифологичность и умозрительность, бездоказательность и утопичность многих положений не сулят его учению спокойную, без споров, будущность. Тем более что эпоха, породившая фрейдизм, не скоро станет лишь достоянием истории.

Однако многие ученые отмечают, что в последнее время наблюдается “падение престижа психоанализа в глазах, как специалистов, так и тех, кто раньше увлекался психоаналитическими идеями”. Профессор Калифорнийского университета Дж. Мармор отмечает, что за прошедшие десятилетия престиж психоанализа в США значительно упал. По свидетельству психиатра Г. Лифа, в 1948г. почти каждый врач-психиатр в США хотел стать психоаналитиком, в 1960г. – один из семи, а в 1963г. – один из 20. В апреле 1968г. за несколько дней до студенческих волнений в Колумбийском университете, известный психоаналитик, дочь основателя психоанализа Анна Фрейд выразила сожаление по поводу того, что молодежь проявляет все меньше интереса к психоаналитическому учению./ 58, 3/

Утверждение нынешних российских “властителей дум” о “драматичной” судьбе фрейдовских идей в Советском Союзе благодаря лишь идеологической несовместимости марксизма с фрейдизмом и жесткости, проводимой, по отношению к инакомыслящим, политике, если и не ложь, то полуправда, которая хуже любой лжи.

Идейный поворот на 180 градусов многих интеллектуалов СССР после контрреволюционного переворота в 1991г сказался, не лучшим образом, и на трактовке психоаналитического учения, из которой почти ушла объективность. Она стала односторонней, в основном, восхитительной. Изменились и оценки отношения Советской власти к фрейдизму и его роли в обществоведении.

В серьезной работе доктора философских наук известного специалиста в области фрейдизма и неофрейдизма Валерия Моисеевича Лейбина “Психоанализ и философия неофрейдизма”, изданной в СССР в 1977г. пятидесятитысячным тиражом, я насчитала несколько десятков критических фраз в адрес объекта исследования: “произвольное оперирование эмпирическим

материалом”, “ложное толкование”, “ложный вывод”. Фрейд нарисовал “фантастическую картину первобытного общества”, “психоанализ Фрейда содержал в себе множество явных и скрытых противоречий”, “биографические данные о Леонардо, которые выбраны Фрейдом для анализа, рассматриваются им односторонне”, “не учитывается политическая обстановка”. Или так: “Но не означает ли это, что, объясняя при помощи “эдипова комплекса” самые разнообразные явления, Фрейд не объясняет в сущности ничего?”. “Ненаучность такого толкования побудительных мотивов человеческой деятельности мы уже показали выше”. “Созданную им абстрактную схему отношений между сознанием и бессознательным Фрейд автоматически переносит на конкретные виды человеческой деятельности...” и т.д. и т.д. /57/

Подобные фразы пронизывают всю книгу. В них - авторское выражение предложенной Лейбиным концепции фрейдизма, верной, по сути. Автор хорошо знал и работы самого Фрейда, и российских дореволюционных и послереволюционных психоаналитиков. Он постоянно ссылаясь в работе на труды современных западных ученых и советских исследователей. Так что сегодня свою трактовку фрейдизма семидесятых годов профессор вряд ли может объяснить отсутствием у него тогда психоаналитической информации. Не может он и “похвастаться” ГУЛАГовскими “пытками”, заставившими его написать анализируемую книгу, как это сейчас очень модно. И тем не менее, книги В. Лейбина, вышедшие в последние годы, полны лишь восхитительных интонаций.

До 30х годов в Советской России продолжалось издание наиболее известных произведений З. Фрейда. В 1921г. возродилось Русское психоаналитическое общество, активными участниками которого были известные ученые М. Вульф, Н. Осипов, И. Ермаков, А. Лурия и другие. Они принимали участие в различных международных психоаналитических конгрессах, публиковали свои статьи в западных журналах. В советской России выходила психоаналитическая библиотечка, которая включила в себя многие, переведенные на русский язык, работы зарубежных психоаналитиков Ф. Виттельса, Э. Джонса, А. Фрейд, А. Клейн, И. Нейфельда.

Широкое распространение в начале века в Европе получило фрейд-марксистское направление. Статьи теоретика этого

направления австрийского психиатра Вильгельма Райха неоднократно публиковались в советских сборниках и журнале “Под знаменем марксизма”. Он считал, что фрейдовская концепция борьбы инстинктов, борьбы влечений соответствует диалектическому пониманию развития, и что психоанализ может полностью подтвердить основной принцип материалистического понимания истории – закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Его английский единомышленник Р. Осборн считал, что психоанализ нужно дополнить марксизмом, “поскольку лишь в единстве этих противоположностей можно достигнуть целостного понимания человека”.

В России это направление тоже получило распространение. Ученые М.А. Рейснер и А.Б. Залкинд предлагали объединить социологический метод Маркса с методом Фрейда, А.П. Варьяш предлагал “дополнить исторический материализм психоанализом. Г. Малис в книге “Психоанализ коммунизма” /Харьков, 1924/ делал попытку реформировать педагогику и теорию воспитания на основе “синтеза” идей фрейдизма и марксистской концепции коммунистического переустройства общества. Хотя сторонникам фрейдо-марксизма активно противостояли советские философы А.М. Деборин, Б.Э. Быховский, В.А. Юринец. Они доказывали абсолютную несовместимость марксизма с фрейдизмом.

Заметим, что все эти идейные битвы на страницах научных и политических журналов проходили в первые десятилетия советской власти, когда политический режим общества носил название “диктатура пролетариата”, которую ныне демократствующая публика любит называть “тоталитаризмом”.

Конечно, в СССР работы Фрейда не издавались такими тиражами, как книги Пушкина и Толстого, Маркса и Ленина. Но это и понятно. Важнейшей задачей первого в мире социалистического государства была задача – учиться, учиться и еще раз учиться. Проклинаемая буржуазией вчера и сегодня, советская власть делала все, чтобы простой народ получил не только хлеб досыта, одежду и крышу над головой, но – и духовные богатства человечества. Нужны были рабфаки и школы, институты и библиотеки, театры и музеи. До народа нужно было довести *подлинные*, культурные и научные, ценности, а не литературные однодневки, околонучные поделки, враждебную советской власти публицистику.

Низкий уровень экономического развития послереволюционной России, враждебное окружение, непрекращающиеся блокады Запада вынуждали страну вначале строить фабрики, заводы, шахты, железные дороги, чтобы заложить материальный экономический фундамент нового общества, получить политическую и, главным образом, экономическую независимость от капиталистического мира, пойти своим путем, избранным народом в 1917г.

Конечно, вопрос о том, что печатать, какие книги переводить на русский язык, чему учить молодых стоял перед Советской властью. Дебатировался и вопрос о свободе печати. В 1922г. на предложение о введении свободы печати глава молодого рабоче-крестьянского государства В.И. Ленин отвечал: “ Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода покупать газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и покупать, и фабриковать “общественное мнение” в *пользу буржуазии*...Буржуазия /во всем мире/ еще сильнее нас, и во много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как...свободу печати..., значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать - не желаем и потому этого не сделаем”. / 66, с. 79./

Мудрость ленинских высказываний и проводимой большевиками политики подтверждается днем сегодняшним. В современной России, вставшей на рыночный капиталистический путь, развитие науки, техники, культуры, издательская деятельность определяются не потребностью народа, а интересами прибыли мизерной части миллионеров, новоявленных господ. В руках последних большая часть радиопередач и телепрограмм, пресса, культурные центры. В результате преступной приватизации средств массовой информации голубой экран заполнился псевдокультурными поделками холуйствующей перед властью посредственностью, которую в народе называют “попсой”. Книжные прилавки завалены отбросами американского и иного западного ширпотреба, не имеющими никакого отношения к литературным ценностям. Сильные мира сего не заинтересованы в развитии интеллекта простого народа.

На страницах “научных” сборников, социологических, политологических, педагогических и психологических журналов кандидаты и доктора наук смакуют “зады” западных учений. Давным-давно открытые в отечественной науке положения, выдают за “свой”, околонучные американские и иные западные вчерашние

идеи называют претенциозно инновациями, замалчивая или демонстративно отказываясь от передовых теорий советской науки. В гуманитарных науках на место объективного анализа социальных явлений, философских и психологических течений, выявления их сущности и закономерностей пришла описательность и плагиат. Тому в немалой степени способствуют богатые возможности информационной сети Internet, которые исключают научный поиск, критический анализ, осмысление проблемы. Богатые финансовые вливания многочисленных западных фондов, вроде фонда американского миллионера, международного шулера Джорджа Сороса, в российское духовное производство довершают процесс разложения отечественной науки и культуры, проституирование ее создателей.

Обильная публикация работ Фрейда в последние годы не более чем рыночная спекуляция на интересе обывателя к знаковым терминам пансексуализма Фрейда. А использование фрейдизма в публицистике и журналистской продукции “демократической” обслуги - в обойме имитации приобщения якобы отставшего от жизни коммунистического общества к западной, “сверхсовременной”, цивилизации, служащей лишь целям личного обогащения.

В изучении фрейдизма и неофрейдизма необходим диалектический, всесторонний и конкретно-исторический подход к идеям, концепциям, врачебной и психоаналитической практике основателя учения и его последователей. Нужен спокойный, объективный, беспристрастный анализ идей и концепций, созданных психоаналитиками. Это трудно, но необходимо. В современной России ожидать этого утопично. Если известные в стране знатоки фрейдизма, вроде В.М. Лейбина, из конъюнктурных соображений отказываются от наиболее верных принципиальных идей собственных концепций фрейдизма, что уж говорить о молодых психологах и преподавателях философии, ориентация которых в своих писаниях с самого начала является меркантильной, рассчитанной не на истину, но на поиск грантов и благосклонности властей.

Поначалу учение Зигмунда Фрейда, получившее точное название пансексуализма, абсолютизирующее роль бессознательного, вступило в противоречие с утвердившимся в 18 веке духом рационализма, верой в торжество разума, убеждением, что сознание – счастливая привилегия человека и мотив его

жизнедеятельности. Однако одиозная реакция на взгляды молодого ученого со временем исчезла, ибо в начале века не было другой такой теории, которая бы так органично сочетала в себе привлекательность объекта исследования, оригинальность трактовки с главным лейтмотивом, имманентно присущим всему учению, и адекватно бы отвечала социальному климату, утвердившемуся к этому времени в Европе.

С одной стороны, Фрейд приковал внимание к богатейшему духовному миру человека. Он опроверг идею тождественности психики человека сознанию, показал всю его сложную и противоречивую структуру, поставил десятки волнующих человека вопросов о природе душевных конфликтов, мотивах человеческого поведения, причинах душевных дискомфорта и психических недугов, пытался найти способы помощи страдающим и самоотверженно работал всю свою долгую и полную драматизма жизнь.

Фрейд поставил перед собой задачу исследовать важнейший элемент человеческой психики “бессознательное”. Не он первый им заинтересовался, не первый понял его значимость. Но никто до него не занимался так скрупулезно его структурой, не выявил влияние неосознаваемых побудительных сил на поведение людей во всех сферах – эмоциональной и интеллектуальной. Главное внимание Фрейд уделил сексуальным влечениям человека, создал собственную концепцию их иерархической взаимосвязи с высшими психическими формами. Насколько эта концепция была научной, была ли совершена революция в психологической науке, насколько правомерен был перенос фрейдизмом психоаналитического метода с исследования психики личности на анализ человеческой истории в целом, насколько доказательными и убедительными были основные постулаты психоаналитического учения - об этом и многом другом и пытается размышлять автор в этой работе, не претендуя на истину в конечной инстанции.

ГЛАВА 1.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА.

Историография вопроса.

По имеющимся данным биографий Зигмунда Фрейда опубликовано сотни. Анализ биографических работ о Фрейде дает известный, наиболее объективный, исследователь фрейдизма, Алексей Руткевич в предисловии к книге французского литератора Роже Дадуна “Фрейд”. / 96 / Предисловие называется “Миф о герое”. И это название не случайно, ибо большая часть пишущих об этом ученом, похоже, занимаются, вольно или невольно, мифотворчеством. Такая оценка дана не только книге Роже Дадуна. С этим трудно не согласиться.

Самой основательной и авторитетной является 1000-страничная книга П. Гея “Фрейд”, вышедшая в Нью-Йорке в 1987г. Официальной же считается трехтомная “Жизнь и работа Зигмунда Фрейда”, изданная в 1943г. Э. Джонсом, получившим, для написания биографии Фрейда, в свое распоряжение все материалы, даже те, которые будут опубликованы лишь в XXII столетии. В России в 1925г. переведена с немецкого языка на русский и опубликована книга Фрица Виттельса “Фрейд. Его личность, учение и школа”.

Хорошо написана и с удовольствием читается фундаментальная художественная биография Фрейда известного американского писателя, замечательного мастера художественно-документальной прозы Ирвинга Стоуна “Страсти ума или Жизнь Фрейда”. Его романы о Джеке Лондоне, Чарльзе Дарвине, Микеланджело, Шлимане получили всемирную известность, переведены на многие языки народов мира. Герои его работ действительно оставили глубокий след в исторической памяти потомков, они достойны пера такого прекрасного портретиста, как Ирвинг Стоун.

А. Руткевич, ссылаясь на изданные во Франкфурте - на - Майне письма Фрейда /1873-1939 гг./, пишет, что сам Фрейд не слишком высоко ценил биографический жанр. Книгу Виттельса он назвал вмешательством в свою личную жизнь: “Общественность не имеет права на мою личную жизнь, да и ничему на моем примере не научится”. И дальше: “ Вы знаете мое отношение к работам такого рода, оно не стало дружелюбнее. Я остаюсь при том мнении, что

всякий, знающий обо мне так же мало, как Вы, не имеет никакого права писать о данном лице. Дождитесь, когда оно умрет, тогда оно со всем смирится – ведь ему тогда, к счастью, все равно”. А когда Арнольд Цвейг предложил Фрейду стать его биографом, он ему ответил: “Тот, кто становится биографом, обязуется лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и даже скрывать свое собственное недопонимание. Ведь биографической истины не существует, и даже будь таковая, она осталась бы без употребления”./96, 7./

Автор “Мифа о герое” согласен, что ко многим биографиям о Фрейде подходит фраза Фрейда – “обязуется лгать, утаивать, лицемерить”. Именно потому, что большая часть биографов – психоаналитики. А пишут, как правило, биографии тех, кого боготворят, кем восторгаются, кого хотели бы сделать не только своим, но кумиром - многих.

К сожалению, автор неуместно, с изрядной долей иронии, провел аналогию с жизнеописаниями “классиков марксизма”. В СССР действительно издавались книги серии “Жизнь замечательных людей”, “Пламенные революционеры”, “Узники Петропавловской крепости”. В них были, в том числе, и портреты великих мыслителей современности – основателей коммунистического пролетарского учения, политических деятелей первого в мире Советского государства рабочих и крестьян, посвятивших свои жизни борьбе за счастье трудового народа. Жизни этих, действительно замечательных, людей были для нас, многих советских людей, образцом – делать жизнь с кого, на кого равняться.

Можно, конечно, согласиться, что биографические работы об этих известных людях были во многом схематичны. В них было “схвачено” главное, сущностное в жизни-деятельности, жизни-борьбе, но отсутствовали жизненные детали, частные поступки, бытовые штрихи. Нет сомнения, что представленная читателю оголенная сущность, с которой сняты богатые одежды ее проявления, лишают реальную личность своеобразия и неповторимости, обедняют ее. Но, может быть, основатели этих серий и задумывали расставить в биографиях акценты таким образом, чтобы главной в них была, наполненная героикой борьбы за народное дело, ЖИЗНЬ, а не зубная боль героя, не перипетии его семейных страданий и сексуальная ориентация. Разве такой подход не был оправдан временем строительства первого в мире

справедливого социалистического государства, становления новой исторической общности – советского народа?

Что касается биографий Зигмунда Фрейда, то некоторые из них напоминают не просто “миф о герое”, но панегирик. К ним можно отнести трилогию “романизированных биографий” известного австрийского писателя Стефана Цвейга /1881-1942/, вышедшую под названием “Врачевание и психика” и посвященную необычным людям, испытавшим в своей жизни и взлеты и падения, пережившим и мировую славу и забвение. Стефан Цвейг был талантливым писателем. Портреты его героев – Франца Антона Месмера, Мери Беккер Эдди, Зигмунда Фрейда даны с большим художественным изяществом, содержание эссе насыщено образами. Герои вызывают восторг силой духа, страстным поиском, колоссальным мужеством и трудолюбием. Цвейг воспевал тех, о ком писал, он восторгался ими. Талант романиста был тем фантастическим увеличительным стеклом, которое способного делало талантливым, талантливого – гениальным, больного – здоровым.

В его эссе о Фрейде эйфорией пронизаны оценки всех его концепций. Ни одной ошибки в арсенале фрейдовских идей. Никаких сомнений и несогласий. “И как раз сейчас, на семьдесят пятом году жизни, уместно подчеркнуть, что его труды и их ценность давно уже не зависят от второстепенного вопроса о том, большее или меньшее число невротиков вылечится ежегодно посредством психоанализа, а так же от правильности отдельных пунктов и положений его вероучения”. “Безотчетное мужество, духовная неустранимость Фрейда нигде и не перед чем не остановились. Равнодушный к возражениям и зависти, к шуму и замалчиванию, он с рассчитанным и непоколебимым терпением ремесленника работал над усовершенствованием своего Архимедова рычага, пока не оказался в состоянии пустить его вход против вселенной. На семидесятом году своей жизни Фрейд проделал и это – попытался применить свой испытанный на индивидууме метод по отношению ко всему человечеству и даже богу. У него достало мужества идти вперед и вперед...” /146, 235-236/ “ Но поразительная жизненность Фрейда, его духовная мощь не знает усталости и упадка”./146, 238/. На протяжении всей работы Стефана Цвейга - лишь восхитительные интонации. Разве подобное жизнеописание – не образец панегирика. Читается на одном дыхании. Вызывает восхищение.

Но каждая, талантливо написанная фраза, не приближает к истине, так как мастер увлекся лишь светлыми красками, не просто отказался от темного, но избежал светотеней в написании портрета основателя психоанализа. Не может не насторожить и то обстоятельство, что, восторгаясь фрейдизмом, Цвейг-биограф отказался от главной методологической идеи учения - искать корень судьбы личности в ее сексуальной сфере /лучше всего в сексуальных проблемах детского возраста/ и абсолютным отходом от этого требования в написании биографии самого Фрейда. Психоанализом восторгаюсь, но пользоваться им не буду. Почему?

Фрейд и неофрейдисты писали портреты Достоевского, Леонардо да Винчи, Шекспира, Гете и Гитлера пытались делать зарисовки Сталина и других исторических личностей строго в соответствии с психоаналитическими технологиями и принципами. Именно поэтому психоаналитические биографии схематичны и “являются просто иллюстрациями фрейдистских теорий”.

Отчего же ни один психоаналитик не использовал свой хваленый психоаналитический инструментарий в написании биографий Фрейда? Отчего двойной стандарт? Нет ответа на эти вопросы. Ну а любой панегирик лишь обожествляет личность ученого, обезчеловечивает ее, побуждает не изучать его творение, не размышлять над его идеями, не отделять в них зерна от плевел тяжелым скрупулезным трудом, но лишь почитать создателя и восторгаться.

Трудно не согласиться с А. Руткевичем, что превращение ученого в кумира объясняется характером самого психоаналитического движения. Оно до сих пор напоминает более религиозную или политическую секту, нежели научное сообщество. Критичность и смелость суждений психоаналитиков улетучивались, как только речь заходила о теоретических положениях их учения, которые, с легкой руки основателя, превратились в догму, символ веры. Нетерпимость к инакомыслию была возведена в норму. Тексты Фрейда были “священными”, на собраниях психоаналитиков по средам, на Конгрессах психоаналитического общества царили начетничество и цитатничество. За смелость иметь и высказывать свое суждение члены психоаналитического общества безжалостно изгонялись. Негласное правило цементировало общество – авторитет Фрейда должен оставаться в неприкосновенности. “Большая часть биографий Фрейда написана его последователями, для которых он

остаётся Моисеем, приведшим их в землю обетованную”. Идолопоклонники сделали из Фрейда кумира. Что же удивляться, что биографии Фрейда носили, в основном, хвалебный характер.

Более или менее объективная биография “Миссия Зигмунда Фрейда” написана выдающимся американским психологом неофрейдистом Эрихом Фроммом. Он прав, ни шельмование, ни воспевание не помогут нам в понимании сложной натуры и противоречивого учения Зигмунда Фрейда. Фромм выступает против идеализации Фрейда, как это делает Джонс в своей официальной биографии. По мнению Джонса, “люди говорят о тиранической личности Фрейда и его догматическом требовании, чтобы все его последователи принимали те же воззрения, что были у него. То, что эти обвинения смехотворно ложны, ясно из его переписки, и, прежде всего, из воспоминаний тех, кто с ним работал. Или: “Трудно вообразить себе кого-нибудь, кто менее годился по своему темпераменту в диктаторы, каковым его иногда изображают”.

Психологическая наивность Джонса тут вообще плохо совместима с его профессией психоаналитика. Он попросту пропускает тот факт, что “Фрейд был нетерпим лишь к тем, кто ставил вопросы или тем более его критиковал. Для людей, которые боготворили его и всегда с ним соглашались, он был добрым и терпимым”./ 142, 69/

Изгнание соратников Фрейда из психоаналитического общества за “инакомыслие” - В. Адлера, К. Юнга, К. Хорни, М. Клейн, Ж. Лакана, лишь подтверждает правоту Э. Фромма. И создание “тайного комитета” из пяти преданных членов общества, призванных следить за “чистотой веры” в психоаналитических рядах, - тоже. Эрих Фромм на многих фактах показывает авторитарность Фрейда, его нетерпимость к “инакомыслию”. В Кембридже в 1946г. вышла биографическая работа Ганса Закса “Фрейд, Учитель и Друг”. И даже в такой, как пишет Фромм, “откровенно идолопоклоннической”, биографии Закс, который никогда не бунтовал и не критиковал Фрейда, признает, что для Фрейда “всегда было необычайно трудно усвоить мнение других”... “Если мои воззрения вступали в противоречие с его взглядами, я откровенно говорил об этом. Он всегда давал мне полную возможность развить мои взгляды, охотно слушая мои аргументы, но они его вряд ли когда затрагивали”./ 142, 65 /

Фрейд мог приложить максимум усилий, чтобы доклад, в котором есть хоть какое-то отклонения от его ортодоксии, не был заслушан на конференции. Так было с ближайшим сподвижником Шандором Ференци, который был Фрейду долгие годы преданным другом, распространителем идей психоанализа в Венгрии. Но в конце жизни Ференци предположил, что пациентам нужна любовь, в которой они нуждались, и потому необходимы некоторые изменения в технике психоаналитической практики, переходе от фрейдовского “зеркального” положения аналитика к более человечному и любовному отношению к пациенту. Фрейд не мог вынести расхождения с традиционной методикой и техникой психоанализа. “Профессор слушал, - пишет Ш.Ференци, - мое изложение с нарастающим нетерпением и, наконец, предупредил меня, что я вступаю на опасную почву и в самой основе расхожусь с традиционными обычаями и техникой психоанализа. Такое потакание желаниям и стремлениям пациента – сколь бы подлинными они ни были – увеличит зависимость пациента от аналитика. В руках неумелого аналитика, мой метод, заметил профессор, легко может привести скорее к сексуальному потворству, нежели быть выражением родительского попечения.

Этим предупреждением и закончилась беседа. Я протянул руку для теплого прощания. Профессор повернулся ко мне спиной и вышел из комнаты”. / 142, 67-68/ Фромм с возмущением пишет, что после смерти Ференци “лишенные совести фрейдисты еще долго распускали слухи о психозе Ференци, которым и объясняли его “ревизионизм”.

Инакомыслия своим друзьям Фрейд не прощал. Совершенно потрясает реакция Фрейда на смерть первого соратника по психоаналитическому движению известного психолога Альфреда Адлера, осмелившегося посмотреть критически на психоанализ. На письмо Арнольда Цвейга, потрясенного смертью Адлера, он ответил: “ Я не понимаю Вашей симпатии к Адлеру. Для мальчишки-еврея из венского предместья в Абердине – это уже само по себе неслыханная карьера, доказательство того, насколько далеко он зашел. Мир щедро вознаградил его за услугу – выступление против психоанализа”. Порвав же с бывшим единомышленником и другом Карлом Юнгом, он стал его врагом. 18 февраля 1919 г. он пишет своему биографу Джонсу: “ Ваше намерение вычистить лондонское общество от юнгианских членов превосходно”./ 142, 68-69/

Сложность задачи – писать биографию, да тем более нашумевшего и известного ученого, очевидна. Встретивший появление неординарных, эпатазирующих общество, идей Фрейда хулой, не станет писать о нем биографию, но мнение свое выскажет. Это так. Но и потрясенному “революционным” характером, смелостью обращения ученого к “запретным” для обсуждения проблемам, оригинальностью его концепций, мужеством в отстаивании своего детища трудно скрупулезно раскладывать по полочкам плюсы и минусы, открытия и просчеты, истины и заблуждения первооткрывателя. Эта трудность и сказалась в работе Стефана Цвейга. И с той, и с другой стороны ждать адекватного образа личности, привлекавшей внимание, не приходится.

Не будем забывать, что биографии пишутся не богами, но людьми. Конкретными людьми конкретного времени. На их исследовании – печать их знаний, опыта, нравственных личных установок и культурных ценностей конкретного общества, наконец, экономического и политического строя государства. Исследование выдающейся личности требует прекрасного знания эпохи, в котором “герой” жил и творил. Необходимо погружение в нее. Насколько это возможно? Да и возможно ли вообще освобождение от своего сегодняшнего “Я”, перевоплощение в современника “героя”, чтобы наиболее адекватно оценить его идеи, дела и поступки? Сомнительно. Так что, в любом случае, взявшись за биографии выдающихся – не позавидуешь.

Но благодарность от читателей последующих поколений им, все равно, обеспечена. Ибо изучение их субъективных, полярных, пусть и односторонних, мнений приоткрывает противоречивость, многосторонность изучаемого явления, заставляет сравнивать, анализировать, спорить с автором – думать. И хоть на крошечный шагок приближает познающего к истине.

БИОГРАФИЯ.

Родился Зигмунд Фрейд в 1856г. во Фрейбурге в Моравии. Отец его - Якоб Фрейд. Мать - Амалия Натансон. Семья была большая, у Зигмунда было четыре сестры Анна, Мария, Дольфи, Паули и два брата Александр и Юлиус, который умер очень рано.

Отец был торговцем шерстью и тканями. Дела вел успешно, когда жил с женой Сали, которая рано умерла, оставив ему двух сыновей Эммануэля и Филиппа. Якоб женился на Амалии, которая была на десять лет моложе его, и увез ее в Вену. Дела пошли хуже. Сказались инфляция и депрессия 1850-х годов в Австрии. Благодаря упорству, Якобу удавалось удерживаться на протяжении всей жизни в рамках среднего класса.

Зигмунд родился на свет черным, с большим количеством спутанных черных волос, потому мать и прозвала его “маленьким арабченком”. Первенец был любимцем матери. Он рос, по свидетельству Джонса, драчливым мальчиком, смело сражавшимся со своими приятелями по играм, исполненным военного задора, был молодым человеком, мечтавшим стать министром и вождем нации. Более пяти лет был первым учеником гимназии, сидел за первым столом. Потом около 8 лет овладевал профессией врача, тщательно осваивал гистологию, хирургию, неврологию. В 1881г. получил диплом доктора.

Чтобы стать настоящим врачом, ему пришлось осваивать физиологию у профессора Брюкке в Институте физиологии, хирургию - в городской больнице, прослушать курсы анатомии мозга и клинической психиатрии у профессора Теодора Мейнерта, осваивать методы диагностирования внутренних болезней у профессора Нотнагеля.

В университете Фрейд столкнулся с антисемитизмом, который то затихал, то вновь вспыхивал в Вене. В 1876г. известный в Вене хирург профессор Теодор Бильрот опубликовал книгу, в которой нанес удар по средневековым методам, применявшимся в клиниках. К работе были добавлены пять страниц, озаглавленных «Типы студентов, евреи в Вене». Статья безжалостно подрывала существовавшее между венскими врачами единение. Бильрот писал: “Справедливо утверждается, что в Вене больше, чем где-либо, бедных студентов и им нужно помогать, ведь жизнь в Вене очень дорогая. Да если бы речь шла только о бедности!.. Молодежь, преимущественно еврейская, приезжает в

Вену из Галиции или Венгрии, с безумной идеей изучать медицину, одновременно зарабатывая деньги преподаванием, мелкими услугами на фондовой бирже, торговлей вразнос, работой в почтовых отделениях и на телеграфе. Еврейский торговец в Галиции или Венгрии, зарабатывающий столько, сколько нужно, чтобы семья не умирала с голоду, имеет среднеодаренного сына. Тщеславная мать мечтает о том, чтобы в семье был школяр, талмудист. Вопреки невероятным трудностям его посылают в школу, и ценой огромных усилий он сдает выпускные экзамены. Затем он появляется в Вене, в чем мать родила... Такие парни никак не годятся для научной карьеры...». /115, 52/

Публичный выпад профессора Бильрота был первым, исходившим от официального лица, с того времени, когда в 1669г.-1670г. император Леопольд I изгнал евреев из старого города и вынудил их поселиться на противоположной стороне Дунайского канала, во втором округе, где и жил З.Фрейд.

После окончания университета Фрейд решил заняться наукой, стать ассистентом у профессора Нотнагеля, но тот отказал ему. По свидетельству его биографов, Фрейд был очень честолюбивым. Отказ больно ударил по его самолюбию. Пришлось идти работать вторым врачом в психиатрическое отделение городской клинической больницы к Теодору Мейнерту. Здесь он получил небольшую комнату для жилья и ушел из родного дома, как говорят, в самостоятельную жизнь.

О работе молодого врача в больнице можно судить по распорядку больницы. Подъем в шесть, спуск в подвал, где его ждал горячий душ или ванна, возвращение в комнату, куда истопница приносила ему горячую воду для бритья, после этого облачение в белый халат для обхода палаты. Во время обхода - выяснение, что произошло за ночь. Снова возвращение в комнату для завтрака. Затем визит в смотровой кабинет для приема вновь принятых в больницу и составление истории болезни. В полдень он возвращался в комнату, обед доставляли прямо в комнату из соседнего ресторана. Все, что не было съедено за обедом, оставалось на ужин. Жалованье составляло тридцать гульденов в месяц / двадцать долларов /. Питание обходилось в тринадцать долларов в месяц. В его обязанности входило и обучение студентов. Оно приносило три гульдена в час. Он мог также заниматься и частной врачебной практикой.

Жизнь вторых врачей, каковым был Фрейд, была трудной, в материальном смысле. В каждом отделении один из врачей вывесил у себя над столом: “Ибо нищих всегда имеете с собой”. “Это – мы”. / Из евангелия от Иоанна /. Каждый дрался за лишний гульден: давали уроки, составляли обзоры медицинских текстов, отыскивали пациентов. Они были должниками своих родителей, друзей, книгопродавцев, торговцев канцелярскими принадлежностями, портных, владельцев кафе.

Работа в психиатрическом отделении оказала на Зигмунда большое эмоциональное и физическое воздействие. Он скудно питался, плохо спал, потерял в весе несколько килограммов, и это при его щуплом сложении. Он не мог не испытывать страха перед душевнобольными, страдающими манией. Зигмунд никогда не думал, что эта работа может его увлечь. Однако он понимал, что эти несчастные создания обделены жизнью. И он думал с отчаянием: “Нынешняя психиатрия бесплодна”.

Фрейд не покидал вопрос, в чем причина того, что в каждом городе есть бродячая группа неврастеников в основном из богатых семей, нуждающихся в излечении от якобы мнимой болезни... Тридцатисемилетняя незамужняя дочь фермера, родившая мертвого ребенка, уверяла каждого встречного, что она его убила. Ее доставили в больницу, после того как она начала бегать нагишом по лесу и рассказывать, будто в доме ее родителей каждую ночь убивают кого-нибудь, а трупы вешают на чердаке. Близкая к сорокам годам женщина не могла спать по ночам, потому что ей виделось тело ее любовника Александра, ходившего вокруг с приставленной к нему головой мужа... Фактов накапливалось немало. Они требовали анализа.

Работая вторым врачом очень много, он все-таки находил время и писал непрерывно письма любимой девушке Марте, которая позже стала его женой и другом на всю жизнь. Помолвка длилась долго, мать невесты настояла, чтобы Фрейд, прежде, встал на ноги, стал практикующим врачом и смог содержать семью.

Фрейд любил писать и писал много. Он возомнил себя стилистом, как пишет его биограф, после того как на экзамене на аттестат зрелости он получил отличную оценку за сочинение, написанное на немецком языке. Профессор похвалил его. И семнадцатилетний Зигмунд написал другу: “Рекомендую тебе сохранять мои письма, складывать их и беречь - заранее не знаешь, что будет”.

Заработок “второго врача” был очень маленьким. Дополнительные доходы – крошечными. Не было пациентов, не было студентов, которых нужно было натаскивать, не было публикаций, обзоров, которые бы можно было предложить газетам. Иногда казалось, что все оборачивается против него. Он ходил в поношенной одежде и не мог позволить себе посетить парикмахера, чтобы подровнять прическу и подрезать бороду. В иные дни в его кармане было совсем пусто, и он не появлялся за столом завсегдатаев в кафе, уклоняясь даже от совместных ужинов с другими молодыми врачами. Он не решался даже просматривать новые издания в книжной лавке. Иногда находилось немного денег для театра. Тогда он присоединялся к группе университетских друзей, которые с шести утра выстаивали в очереди за билетами, дававшими право встать в другую очередь, в пять часов вечера у входа в Оперу или в Венский театр за «стоячим» билетом. И стоя с пяти часов вечера до полуночи, послушать «Волшебную флейту», «Фигаро», «Дон Жуана» Моцарта.

Еще в гимназии он копил, порой неделями, карманные деньги, чтобы посмотреть лучшие пьесы немецких авторов в исполнении артистов Национального Королевского театра - «Фауста» Гете, «Вильгельма Телля» Шиллера. Самым большим подарком для него были те счастливые моменты, когда родители или друзья приглашали его в день рождения на «Гамлета», «Макбет», или «Двенадцатую ночь» Шекспира, отрывки, из которых он знал наизусть.

Невозможность попасть на концерты не была, в конечном счете, катастрофой. Музыка наполняла все уголки Вены: трубили военные оркестры, из Театра Ронахера доносились популярные венские марши, в городском парке оркестр исполнял романтические мелодии. По вечерам исполнители народных песен развлекали посетителей парков, где продавали вразнос пиво и вино. Венцы гордились тем, что большая часть великой музыки написана здесь Моцартом, Бетховеном, Шубертом, Гайдном...

Все было наполнено в Вене возвышенной прекрасной музыкой. Но когда она переставала звучать, давал волю антисемитизм и не только в быту, но и в приемном покое городской больницы. Возле больного, поступившего с сильным повреждением пальца, один врач недовольный действиями другого в запальчивости кричит ему: «Дерзкий еврей! Ты,

еврейская свинья!» Фрейд долго не мог прийти в себя после случившегося. Христиане и иудеи переставали общаться друг с другом вне стен больницы. И до этой грязной истории все знали, что доктору-еврею труднее подниматься по иерархической лестнице, требовалось больше времени и таланта. Но ни один еврей не был уволен из клинической больницы, если он был достаточно квалифицирован. В штате факультета было значительное количество врачей-евреев.

Накопив опыт “второго врача”, Фрейд стал добиваться должности приват-доцента и добился его. Характеризуя доктора Фрейда, профессор Брюкке писал: « Он имеет хорошее общее образование, прекрасный работник в области нейроанатомии, обладает спокойным, серьезным характером, большой сноровкой, ясным видением, обширным знанием литературы, осторожным методом дедукции и даром хорошо организованного письменного изложения...»

Получив доцентуру, Фрейд получил и субсидии для поездки во Францию для совершенствования своего врачебного мастерства. В 1885г. он приехал в Париж. Работа в больнице Сальпетриер под руководством знаменитого доктора Шарко дала очень много Зигмунду. Фрейда поразило, что во время обхода врачи могли задавать вопросы и даже не соглашаться с мнением профессора, что было совершенно недопустимо на немецкой земле.

Шарко сделал немало открытий, превративших неврологию в систематизированную медицинскую науку. Он сделал важные для патологической анатомии открытия при болезнях печени, почек, легких, спинного и головного мозга. О нем говорили: « Он исследует человеческое тело, как Галилей исследовал небо, Колумб - моря, Дарвин - флору и фауну Земли». Лекции Шарко были крайне популярны в Париже, привлекали множество студентов-медиков, врачей и просто интересующихся наукой. На известных лекциях по вторникам Шарко проявлял качества мастера пантомимы. Он воспроизводил на своем лице тик и паралич, имитировал скованность мускулатуры страдающих болезнью Паркинсона, показывал на собственных руках, что бывает при параличе лучевого нерва, поразительным образом воспроизводил животные звуки, вылетающие из гортани жертв афазии. Шарко открыл мужскую истерию, чем был потрясен Фрейд, так как общепринятым считалось, что таковой не существует. Студентам втолковывали, что истерия бывает только

у женщин. Шарко исследовал мужскую истерию как расстройство нервной системы, а не симуляцию, как это считалось раньше. Шарко не чурался и ГИПНОЗА. Как писал Ирвинг Стоун, он «вернул респектабельность гипнозу». Он утверждал, что гипнотизм - это искусственно вызванный невроз, который свойственен лицам с повышенной чувствительностью и неуравновешенным.

Не мог согласиться Фрейд только с идеей Шарко о том, что истерический паралич является следствием повреждения, ранения нервной системы. Фрейд считал, что никто так и не обнаружил повреждений головного мозга при истерическом параличе ни у живых, ни у мертвых. **ПОВРЕЖДЕНИЯ БЫЛИ В САМИХ ИДЕЯХ, КОТОРЫМИ ЖИЛ РАЗУМ.**

По возвращению из Парижа Зигмунд снял большую квартиру, чтобы можно было заниматься не только научной работой, но и практиковать - принимать больных. Он был полон надежд, любил свой город - он дал ему, парню из семьи иммигрантов, прекрасное образование и профессиональную подготовку, которую, как он считал, невозможно было получить в Берлине, Париже, Лондоне или Нью-Йорке. Правда, он был евреем и не всегда чувствовал себя уютно в католическом окружении. Но уважал императора Франца Иосифа за то, что он был последователен в защите прав евреев в Австро-Венгерской империи.

В его кабинете стали появляться первые пациенты, которых к нему присылал его друг, уже известный врач, Брейер. Приходила женщина с кожной сыпью, Фрейд становился дерматологом, другая женщина жаловалась на негнущуюся шею, физиотерапевт Фрейд расслаблял мускулатуру с помощью электроразрядов. Когда жаловались на боли в желудке, Фрейд становился терапевтом и массажем брюшины снимал судороги. Иногда он горько размышлял, что термин - «ожидает пациент» - явно неверный, так как молодому врачу приходится ожидать пациентов. Фрейду исполнилось в этот период 30 лет. Росло число пациентов. Увеличивался заработок.

Были и неприятные события. Военное ведомство сообщило о призыве в армию на месяц. Лейтенант Фрейд должен будет отвечать за состояние здоровья солдат во время военных маневров. Семь лет назад он проходил годичную службу в военном госпитале, сейчас же, когда у него наладилась врачебная практика,

это было очень некстати. Но к концу месяца службы командование дало ему отличную оценку не только за медицинское обслуживание, но и за отношение к маневрам и к австро-венгерской армии в целом. Фрейд получил звание капитана, полкового врача.

Официальная религия в доме Фрейдов не почиталась после того, как семья переехала из Моравии в Вену. Единственный праздник отмечался - пассовер - исход евреев из Египта и переход через Красное море. Зигмунду нравилась традиционная церемония, когда отец сидел во главе стола, пускал вкруговую три листа мацы, завернутых в салфетку, зажаренную баранью ногу, горькие травы, шароз - мелкорубленные орехи, яблоко и корицу. Якоб при этом декламировал старинную историю высвобождения Израиля из рабства на прекрасно поставленном древнееврейском языке.

Наконец, в тридцать лет Фрейд смог жениться на любимой женщине Марте. Он не хотел идти в церковь и соблюдать религиозные ритуалы. Но и не хотел огорчать невесту, которая настаивала на этом.

Первые лекции о мужской истерии, прочитанные им на заседании Медицинского общества, получили враждебный прием. Фрейд был потрясен, расстроен. Врачи были оскорблены его заявлением, что в Париже применяют более передовую неврологическую методику.

В 1886г. снова состоялось очередное заседание Медицинского общества, лишь немногие проявили интерес к выступлению доктора Фрейда и его пациенту. Мужскую истерию не хотели признавать. Но такая обструкция не обескуражила Зигмунда. Как приват-доцент он имел право на курс лекций в клинической школе университета, и он воспользовался этим правом. Его первая лекция принесла успех. Пришло довольно много студентов и «вторых врачей» в области нервной системы. Фрейд был счастлив, тем более что это был не единственный его успех. Он возглавил отделение в Институте детских болезней, был счастлив в браке, много пациентов уже приходило в его дом. Половину времени он отводил частной практике, другую половину - преподаванию, исследованиям, открытиям, публикациям.

Обостренное честолюбие не давало покоя Зигмунду. Он сам признавался себе, что часто был нетерпелив, торопился сделать открытия, добиться положения и славы. Он верил в себя. Минуты

временного отчаяния не убивали эту веру. Он знал, что впереди долгие годы, он сможет дослужиться до ординариуса, полного профессора университета. Он мечтал примкнуть к людям, которые задолго до его появления на свет превратили венскую клиническую школу университета в образец для всего мира. Он говорил своей жене, что к славе не стремиться, но внутренне все еще хотел высечь свое имя на скале.

Знакомство Фрейда с книгой профессора Бернгейма « Гипноз и внушение» привело к мысли о необходимости использования гипноза в лечебной практике. Это тоже было небезопасно в смысле сохранения своего авторитета врача, так как гипноз в Вене называли « шлюхой», которую нельзя пускать в уважаемые медицинские круги. Позже Фрейд отказался от использования гипноза для лечения неврозов, создав свою методику “свободных ассоциаций”. Но страдания невротиков заставляли Фрейда непрестанно искать причины психических отклонений и вспоминать слова Брейера - « Такие вещи всегда являются секретом алькова» и слова Шарко - « В таких случаях вопрос касается секса - всегда, всегда, всегда».

В городе стали говорить, что доктор Фрейд хорош для консультаций того, что уклончиво называли « женскими неприятностями». Практикующие врачи, как правило, не находили органических поражений у обратившихся к ним женщин. Воспитанные в духе сексуальной сдержанности, равноценной глухоте, они при упоминании о половой любви лишались дара речи, краснели, заикались, опускали глаза... Но истина, так или иначе, выходила наружу. Муж оказывался неуклюжим, торопливым, невнимательным, неспособным рассчитать время так, чтобы возбужденная им жена также получила свое удовольствие, вместо этого он, как писал Фрейд, « напрыгавшись, сваливался, как животное».

Осознав, почему его пациентки страдают нервными расстройствами, он понял, что мало, чем может помочь в исправлении положения. Венский мужчина разъярится, если его пригласит врач и откровенно скажет, что супруга нездорова по причине его неловкости при половом сношении. Эту тему студенты, солдаты, завсегдатаи бульваров, члены клубов, деловые люди до одури обсуждали между собой в излюбленных трактирах с мельчайшими физиологическими подробностями, но она исключалась как аморальная и недостойная в беседах между

супругами. Масштаб несчастья, вызванного таким лицемерием, становился для Зигмунда все более очевидным по мере накопления данных. Это одновременно пробуждало интерес к проблеме ПОДСОЗНАНИЯ.

Первая книга, которую опубликовал Фрейд, - «Афазия». Как и в своих первых лекциях, после поездки в Париж, он снова нападал на авторитеты, и в ответ – возмущения и обструкция.

Однажды Марта подарила ему мраморную копию «Умиряющего раба» Микеланджело. Зигмунд очень любил различные скульптурки, жена часто шутила, что ему можно в квартире открыть музей антиквариата. Фрейд был очень доволен: «Его мученическое лицо символизирует для меня агонию всего поработанного человечества, раздавленного невидимым врагом и безжалостной судьбой. Оно должно быть спасено! Человечество - слишком удивительное создание, чтобы утратить его. Каким образом освободить умирающего раба от пут, восстановить его крепкое здоровье? Решению этого вопроса я хочу посвятить всю жизнь».

Нельзя не видеть, спустя более сотни лет, что путь спасения был избран ученым ошибочный. Он пытался обратить взор страждущих внутрь себя, тогда как причины их страданий лежали в нечеловеческих условиях их существования, калечивших их тела и души. Избавление от страданий было возможным лишь на пути радикального изменения жизненных обстоятельств...

Опубликованные идеи о том, что истерия имеет сексуальную этиологию, скрытую глубоко в подсознании, были встречены молчанием. Но количество больных, приходивших к нему стало возрастать. Работая с ними, он пришел к выводу, что неприятные вещи, волнующие человека, вытесняются в подсознание и создают болезненные ощущения. Задача невролога помочь больному перенести подавленные идеи из подсознания в сознание, осмыслить их. Пациент не должен испытывать вины за то, что было сделано когда-то в прошлом. Он считал, что сделал гениальное открытие в неврологии - новую терапию. Считал, что это самое большое медицинское открытие его века.

Большинство врачей знали или подозревали, что у части их пациентов болезни вызваны сексуальными проблемами. Но говорить об этом запрещалось. Приват-доцент доктор Фрейд первый направил луч света в темный угол. Его успеху способствовало то, что его приемная обеспечивала полную

скрытность, обследуемый не встречался ни с горничной, ни с членами семьи, ни с другими пациентами. Строгая, почти монашеская суровость консультационной комнаты развязывали языки больным, когда требовалось копнуть глубже в неизведанную память. Фрейд обладал подходящим темпераментом для деликатных признаний. Как врач, он был степенным, рассудительным, заботливым, собранным, беспристрастным. Все знали его как доброго семьянина, типичного буржуа, порядочного, щепетильного в вопросах морали, сдержанного, способного самым щекотливым откровениям придать выдержанный научный стиль. Он садился напротив пациента в традиционной для венского врача одежде: темный пиджак, облегающий жилет с золотой цепочкой часов, белая сорочка, темный галстук. Слегка седеющая шевелюра и борода, бесстрастные темные глаза создавали ощущение доверия к его методам и мотивам.

Работал он много. Когда другие неврологи оказывались беспомощными, они направляли пациентов к нему. Он принимал до двенадцати пациентов в день с восьми часов утра до девяти вечера. Делал между приемами пятиминутный перерыв, едва успевая выпить чашечку кофе. Плату за свои консультации и лечение брал высокую. Узнав как-то о том, что его друг, член психоаналитического общества, Шандор Ференци в Будапеште иногда практикует бесплатно, он строго попенял ему в письме о недопустимости впредь это делать. На его же знаменитой кушетке лежали в основном люди не бедные.

Не давали покоя приходящие в голову почти еретические, концепции, которые могли навлечь на его голову гнев общества.

У него часто стала болеть голова. Появились и другие проблемы со здоровьем: был приступ ишиаса, грипп, оставивший после себя сердечную аритмию. Активное курение осложнило проблемы с сердцем. Зигмунд стал бояться, что он утратит способность заниматься научной работой.

Исследовательская сосредоточенность на неврозах женщин из хорошо обеспеченных семей, жалующихся на неполадки в семейной жизни, привела Фрейда к мысли, что НЕВРОЗЫ имеют СЕКСУАЛЬНУЮ этиологию. И ТОЛЬКО сексуальную. От этой идеи он не отказался до конца жизни. Фрейд написал книгу « Об истерии». Считал, что она станет началом новой эры в медицине, поможет перевести человеческую психологию из области фантастики в область науки. Он был в состоянии эйфории - книга

принесет ему прочную славу, богатство и полную независимость. Но этого не произошло.

После 1895г. исследовательские поиски обратились на СНОВИДЕНИЯ. « Вот в чем цель сновидений! Высвободить из подсознания то, что действительно нужно человеку. Не маски, не личины, не запрятанные чувства, а именно то, что скрыто в коре головного мозга как желание, чтобы это случилось или должно случиться! Какой удивительный механизм! Какое удивительное свершение!» В своих сновидениях человек как бы редактирует и переписывает рукопись своей прошлой жизни. Это он считал своим величайшим открытием.

Книгу «Об истерии» приняли плохо. Появились отрицательные обзоры в печати. И затем молчание. Даже близкий друг Йосиф Брейер стал избегать встреч с Зигмундом. Фрейд пал духом. Жена предупреждала его: « Не давай своим надеждам взлетать слишком высоко, и ты не будешь так больно падать». Нужно было отдохнуть. И он отправился в Венецию с братом Александром, Зигмунд был фанатичным любителем достопримечательностей. Он восторгался великими творениями Джорджоне, Тициана. Фрейд отдохнул, снова воспрянул духом и по возвращению приступил к написанию « Очерка научной психологии» и раздела « Психопатология».

В 1896г. после лекции « Этиология истерии», прочитанной им в Обществе психиатрии и неврологии, он был подвергнут новому остракизму. Тогда Фрейд сказал Марте: « Ослы холодно приняли ее». Неодобрение его доклада было всеобщим. Университетские медицинские и научные круги не приняли ни на йоту его данные и выводы. Оценили как « научную басню». Он же считал себя правым, раз у него набралась сотня // фактов, якобы подтверждавших, что между отцом и дочерью, матерью и сыном обычны в той или иной форме приставания или сексуальное влечение. Острой критике подверглась и его концепция относительно детской сексуальности.

После публикации «Лекции о мужской истерии» врачи, которых он знал по совместной работе в Городской больнице, переходили на другую сторону улицы, чтобы не здороваться с ним. При его появлении на заседаниях Медицинского общества никто не кивал ему, никто не обращался к нему.

Зигмунд Фрейд чувствовал себя оскорбленным и обойденным... парией. Он продолжал читать в университете

факультативные лекции по истерии и острому неврозу, но на курс записалось лишь четыре человека. По субботам его еще приглашали играть в карты, но он редко появлялся, думая, что друзья делают это из жалости. Он стал задумываться, не мания ли преследования у него.

Тогда по совету старого знакомого его отца он обратился к молодежи Еврейского академического кружка читателей, которые по субботам с глубоким вниманием слушали его лекции. Это спасало его от невроза.

После публикации его статьи «Наследственность и этиология неврозов» началась буря возмущения. Его называли человеком «с грязными мыслями», «подглядывающим в замочную скважину», «сексуальным маньяком», «торговцем похотью и порнографией», «осквернителем духовных качеств человека», «бесстыдным, нескромным, распутным, скотским», «позором для его профессии» и, в конечном счете, «антихристом».

Когда З. Фрейду исполнилось сорок лет, он посчитал, что уже имеет право на пост помощника профессора - экстраординариуса. В Вене ранг профессора делал его обладателя полубогом. Обостренное честолюбие Фрейда заставило его действовать. На медицинском факультете двадцатью голосами против десяти на имя министра образования была составлена просьба - назначить приват-доцента Зигмунда Фрейда профессором экстраординариусом. Министр должен был составить бумагу о назначении и дать ее на подпись императору Францу Иосифу. Но министр прямо дал понять, что при антисемитизме, популярном за рубежом, рассчитывать на положительное решение вопроса не стоит.

В 1896 году у Фрейда умер отец. Смерть отца и изоляция в обществе стали нестерпимыми. Он понял, что дошел до болезненного расстройства. Он не мог изгнать из ума наплывавшие образы и воспоминания. Анализ своих прошлых взаимоотношений с отцом привел Фрейда к психологической бездне. Он попытался растолковать виденные в семилетнем возрасте сцены отца и матери в постели, у него не выходило из головы всплывшая в памяти его привычка, будучи маленьким, мочиться за дверь. И главное, осуждение этой привычки отцом. Воспоминания детства в его голове причудливо переплетались с его современными интерпретациями. И он делал из всего этого фантастические выводы - оказывается, он ревновал свою мать к отцу! Он хотел

положить конец тому, что происходило. Он выбрал самый драматичный способ! Он хотел отвлечь внимание матери от отца и занять его место в ее привязанности. Освобождая мочевой пузырь, не симулировал ли он то, чем занимался его отец? Он как бы завершал акт любви, случайно увиденный им.

Фрейд было плохо. Навязчивые мысли преследовали его. Он понимал это и пытался сам справиться с собственным неврозом. Он думал: “Невротика помогает невролог, а кто поможет мне?” Ни один человек не в состоянии проанализировать сам себя, и нет никого, кто бы помог отвести его от края психологической бездны, в которую он может сорваться... Тоскующий по отцу и пойманный на полпути к самоанализу, он стал раздражительным, у него начались нелады с кишечником, он стал оказывать давление на своих пациентов, потерял к ним интерес, стал подавленным, замкнутым в себе, потерял надежду, был охвачен страхами перед собственной смертью. Он пишет письмо за письмом Флиссе: “Я чувствую себя таким одиноким” /13.2.1896/. “Ты не можешь себе представить, до какой степени я одинок...” Вокруг меня – пустота”/4.5.1896/. “Я живу в полной изоляции”. “Я чувствую себя совершенно потерянным”/ 2.11.1896/. “Я чувствую себя страшно одиноким. Мне не с кем поговорить...” /3.12.1897/. Французский литератор Роже Дадун в своем “интеллектуальном романе” “Фрейд” пишет, что “в условиях этого одиночества Фрейд переживает чередование состояний, которое можно назвать “маниакальными”: радость и эйфория сменяются депрессиями и ощущениями “упадка”. /153, 93/

В состоянии невроза он приходит к парадоксальному выводу, что его невроз после смерти отца был вызван тем фактом, что его подсознание считало его виновным в желании убить отца и лечь в постель с матерью! Он писал в письме своему другу Флиссе: « Я обнаружил любовь к матери и ревность к отцу также в моем собственном случае и теперь считаю это общим феноменом раннего детства... Если это так, то захватывающая сила « Эдипа-царя» становится разумной... Греческий миф построен на принуждении, которое знает каждый, ибо чувствует его следы в самом себе. Каждый член аудитории когда-нибудь чувствовал в самом себе фантазии Эдипа...» Добравшись до собственного эдипова начала, Фрейд посчитал, что он вылечил сам себя от невроза, вызванного смертью отца.

В 1897г. министр образования не утвердил назначение Фрейда на пост помощника профессора. Попытку объяснить отказ антисемитизмом в стране неотрейди́ст Эрих Фромм считал несостоятельной, так как из 12 претендентов, подавших документы, получил звание лишь один врач, который по национальности был евреем.

Начало 1898г. не предвещало изменения ситуации. Начались студенческие демонстрации в связи с предписанием по всей империи говорить только на немецком языке. Университет был закрыт. Фрейд не хотел прерывать занятия и перенес лекции в свою домашнюю приемную. В кабинете царила непринужденная атмосфера, подкрепленная кружками пива и сигарами, которые предлагал приват-доцент Фрейд. В университете студентам не разрешалось задавать вопросы или как-то реагировать на выступление профессора. Здесь же Зигмунд мог беседовать, обращаться к каждому с вопросом.

Заканчивался 1898 год, а имя Фрейда в списке, назначенных экстраординариусом, так и не появилось. Он был разочарован и огорчен. И утешал себя тем, что медицинский мир Вены не дорос до принятия хотя бы одного сделанного им открытия.

Когда в 1899г. вышла его книга «Толкование сновидений», он сказал Марте: «Подобное проникновение дается судьбой однажды в жизни». Книгу он ценил как труд первопроходца. Это была его первая работа о психоанализе, написанная им самостоятельно. Зигмунд надеялся, что книга принесет ему независимость и положение. Но он ошибся. Результаты оказались катастрофическими. Книга не раскупалась. О книге отзывались пренебрежительно. Он утешал себя тем, что его принимают плохо, потому, что он опережает свое время, но вместе с тем признавал опасность такой формы МАНИИ ВЕЛИЧИЯ.

Поток клеветы, обрушившийся на него, яростные нападки сказывались болезненно на его характере. Человек, написавший о сексуальной этиологии неврозов, детской сексуальности, об открытии комплекса Эдипа, объявлялся «мерзким», «гнусным», «злостным осквернителем материнства», «развратителем невинного детства», «извращенцем, страдающим гниением мозга».

Начался 1901г. Фрейд надеялся, что новый век будет более справедливым. Как всегда летом он снимал дом где-нибудь в живописном месте Баварии для своей большой дружной семьи. Старшему Мартину было уже одиннадцать лет, Оливеру -

десять, Эрнсту - девять, Матильде - тринадцать, Софии - восемь, Анне - пять.

Фрейд не оставлял попытки стать помощником профессора, но решил пойти обходным путем. Он обратился к жене советника Гомперца, бывшей своей пациентке. Но и ее усилия не увенчались успехом, пока она от имени Фрейда не «подарила» подлинник известного в Вене художника министру якобы для открывающегося музея. В 1902г. Фрейд стал профессором.

Теперь пришло время, и появилась возможность объединиться единомышленникам, основать группу, разделяющую идеи психоанализа. Объединилось пятеро врачей - Зигмунд Фрейд, Вильгельм Штекель, Альфред Адлер, Макс Кахане и Рудольф Рейдлер. Таким образом, из парии Фрейд превратился в человека с кружком друзей и учеников. Так возникло Психиатрическое общество, которое стало собираться по средам. В него вошел издатель-книготорговец Гуго Геллер. В 1903г. добавилось два доктора. В 1905г. пришло еще несколько докторов. Две статьи Фрейда были переведены на другие языки, и он стал получать письма из разных стран. Кажется, изоляция, длившаяся целых восемь лет, закончилась.

Самой яркой личностью в Обществе был врач Альфред Адлер. В отличие от Фрейда его интересовали не только проблемы психологии, но и социологии. В студенческие годы он примкнул к группе студентов Венского университета, изучавших “Капитал” Карла Маркса. Адлер вырос в семье богатого зерноторговца, но его волновала социальная несправедливость, которую он очень хорошо видел. Именно поэтому он открыл свой врачебный кабинет для обслуживания бедняков и служащих. А.Адлер рекомендовал Фрейду прочесть книги Карла Маркса, Энгельса, Сореля, но Фрейд ответил: “ Доктор Адлер, классовый борьбой заниматься не могу. Нужна вся жизнь, чтобы выиграть борьбу полов”.

Признавая, что исследования Фрейда открыли новые пути, он все же отказывался принять теорию Фрейда полностью. Он дал понять Фрейду с самого начала, что в психологии неврозов он с Фрейдом на равной ноге и намерен следовать собственным путем. Адлер пришел в Общество одним из первых, первым же он был и исключен из него. Остальные же считали себя учениками, слушателями, последователями профессора Зигмунда Фрейда.

Позже в Психиатрическое общество вступил Карл Юнг, сын швейцарского пастора. В общество его привело прочтение

“Толкование сновидений”. К этому времени у К.Юнга уже вышла книга “Исследование в области словесной ассоциации”. Юнг стал страстным защитником учения Фрейда на Конгрессе и в печати. Мать Юнга была душевнобольной. Он с детства видел разрушительное влияние психического заболевания, и это тоже сыграло свою роль в выборе учения Фрейда. Однажды Юнг сказал: “Судя по участникам нашего психиатрического кружка, мы все выросли с невротами и должны как-то с ними ужиться”. Карл Юнг основал “Фрейдовскую ассоциацию” в Цюрихе, в которую вошло более 20 участников. Принимали группу плохо, так как научные журналы Центральной Европы враждебно относились к психоанализу. Позже ассоциация была переименована в “Венское психоаналитическое общество”.

Фрейд был сильно привязан к Карлу Юнгу. Он был польщен тем, что его поддерживает Цюрихская группа последователей. Он называл Юнга “своим сыном и наследником”. Вступление Юнга радовало Фрейда и потому, что теперь уже не могли говорить, что в психоаналитическом обществе – одни евреи. Позже в письме Карлу Абрахаму он писал в 1908 году: “В конечном счете, наши собратья-арийцы нам совершенно необходимы, иначе психоанализ падет жертвой антисемитизма”. /142, 52/

Вступил в Общество одаренный и остроумный врач Фриц Виттельс. Потом - доктор философии Макс Граф, преподававший в консерватории. Позже присоединился к ним Карл Абрахам из Берлина, который открыл там первый психоаналитический кабинет. В Венгрии филиал психоаналитического общества создал Шандор Ференци. До этого он уже был достаточно известным врачом. Работал главным неврологом в Елизаветинском доме для бедных. Активистом Венского общества стал Отто Ранк, которого Марта и Зигмунд стали считать членом своей семьи. Фрейд выделял даже деньги на его учебу в университете.

В 1908 году появилась возможность преобразовать кружок единомышленников в Психоаналитическое общество. Был созван первый Конгресс в Зальцбурге. Приехали 42 человека из шести стран. Заслушали несколько докладов. Фрейд был счастлив, что прекратятся обвинения, что “новая наука” исходит из “самого сладострастного и сексуально извращенного города в мире”. Но радость его была преждевременной. По окончании Конгресса начались разногласия и неприятности.

В этом же году по приглашению президента Университета Кларка в штате Массачусетс Фрейд посетил Америку и выступил с лекциями. Плывая через океан, он говорил: “Американцы и не подозревают, какую чуму я им везу”. Приняли его в Америке хорошо. Мораль американцев была благоприятной почвой для принятия пансексуализма. Фрейду даже присвоили почетное звание Доктора права.

Год был для Фрейда плодотворным. Он издал монографию “Характер и анальный эротизм”, где развил свою концепцию детской сексуальности, в которой перемешались находки, связанные с описанием эрогенных зон человека, и фантастические домыслы о связи детских анальных удовольствий с чертами характера взрослого человека. Хронические запоры он стал классифицировать как форму невроза, вызванного тем, что дети принимали испражнения за золото. “Не отдам своего богатства”.

В 1910 году в г. Нюрнберге собрался II Международный конгресс психоаналитиков. В это время в Обществе уже непрерывной чередой шли раздоры. Венцы противились желанию Фрейда сделать швейцарца К. Юнга президентом Общества. Фрейд пошел на компромисс. Назначил А. Адлера вместо себя руководителем Венской группы психоаналитиков. Сам стал научным председателем Общества. Но это не спасло положения. Мира в среде ученых не было. Адлер открыто отмежевывался от психоанализа. Не принимал идею сексуальной этиологии неврозов. Отверг Эдипов комплекс. Не согласился он и с узким толкованием ЛИБИДО, только как сексуальной энергии.

В 1911 году на постоянных средах Адлер изложил свои взгляды. Реакция Фрейда была короткой: “Вся доктрина реакционна и ретроградна”. Инакомыслия Адлеру Фрейд не простил. Когда Адлер умер, Арнольд Цвейг написал Фрейду, как он потрясен этой смертью. На что Фрейд в письме ему от 22 июня 1936 года ответил: “Я не понимаю вашей симпатии к Адлеру. Для мальчишки-еврея из венского предместья смерть в Абердине – это уже само по себе неслыханная карьера, доказательство того, насколько далеко он зашел. Мир щедро вознаградил его за услугу – выступление против психоанализа”. / 142, 68-69./

До смерти Адлера в 1911 году было еще далеко. Но на Третьем психоаналитическом конгрессе в Веймаре его уже не было. Он и его сторонники покинули психоаналитическое общество и основали свое Общество свободного психоанализа.

Местная газета сообщила, что на Конгрессе был сделан “интересный доклад об обнаженности и других текущих проблемах”. Начались новые нападки на психоанализ. Его называли темной наукой, предназначенной развратить мир. Требовали, чтобы психоаналитики прекратили заниматься “грязным делом”, призывали, чтобы пациенты перестали ходить на сеансы врачей, которые верили учению господина Фрейда. Многие пациенты последовали рекомендациям. У некоторых психоаналитиков сократились поступления средств существования.

В “Нью-Йорк Таймс” даже появилось сообщение о том, что теории Фрейда порождены его аморальной жизнью, что в Вене в молодости он имел репутацию венского распутника, а “не человека, живущего достойной жизнью”. Близко знавшие Фрейда не приняли статью всерьез, так как знали его студенческие годы, скорее напоминавшие жизнь отшельника, чем распутника.

В 1913 году в Мюнхене состоялся очередной психоаналитический конгресс. Были зачитаны доклады о сублимации, о нарциссизме, и причинах гомосексуальности. Юнг как председатель собрания высказал свои резкие замечания, отрицая Эдипов комплекс, детскую сексуальность, сексуальную этиологию неврозов. Юнг, фактически, еще раньше отошел от фрейдовской ортодоксии и стал уже закладывать основы своей аналитической психологии. Он усомнился, что невроз берет начало в детские годы. Еще до конгресса он перестал ссылаться на Фрейда в своих выступлениях и статьях.

А Фрейд не терпел и не прощал инакомыслия. В 1914 году между ними произошел окончательный разрыв. Роже Дадун в своей монографии приводит письмо Фрейда Карлу Абрахаму от 26 июля 1914 года: “Мы, наконец, избавились от Юнга, этой святой скотины, и его приспешников”. / 153, 159/ 18 февраля 1919 года Фрейд - Джонсу: “Ваше намерение *вычистить* лондонское общество от юнгианских членов превосходно”. / 142, 68./

Но от кого только не “очистил” Фрейд свое Общество. Небезосновательно Эрих Фромм обвиняет Фрейда в авторитаризме. Среди биографов Фрейда долго не прекращался спор о его авторитарности и диктаторских замашках. Конечно, верные поклонники Фрейда стремились отвергать его авторитарные амбиции. Но факты – упрямая вещь. “Фрейд был нетерпим лишь к тем, кто ставил вопросы и тем более его критиковал. Для людей, которые боготворили его и всегда с ним соглашались, он был

добрым и терпимым. ...Он был любящим отцом для покорных ему сыновей и жестким, авторитарным для тех, кто решался возражать”. /142, 69-70/

Роже Дадун обращает внимание на судьбу дружбы Фрейда с двумя самыми близкими ему людьми Иосифом Брейером и Вильгельмом Флиссом. Иосиф Брейер был уже знаменитым врачом, ученым, известным своими исследованиями по физиологии дыхания, когда подружился с Фрейдом /он был старше Зигмунда на 14 лет/. Брейер постоянно оказывал своему молодому другу существенную материальную помощь, поддерживал его идеи, следуя временами под давлением Фрейда даже против собственных склонностей. Флисс же много лет был ему опорой в исследовании внутренней “субъективной” жизни и в создании самоанализа. “Но с одинаковой легкостью, и, если можно так выразиться, “неблагодарностью” /которая, впрочем, не исключала чувства душевной боли/ Фрейд, утвердившись в своем положении, порвет с обоими”. /153, 81/

Академик М. Решетников в статье “Влечение к смерти” анализирует психоаналитическую Концепцию смерти Вильгельма Штекеля, как он пишет, одного из “наиболее талантливых последователей” Фрейда. И замечает, что “Фрейд всегда недолюбливал Штекеля за его нередко излишнюю самоуверенность, чрезмерную критичность и недисциплинированность, что, в конечном итоге, явилось официальной причиной их разрыва. Как и в других аналогичных случаях /с Юнгом и Адлером/, Фрейд не просто прекращал всякие отношения, но и вообще “вычеркивал” человека из своей жизни”. /93, 5/

В 1914 году после убийства сербом австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда Австрия объявила войну Сербии. Фрейд был полон патриотических чувств, гордился тем, что Австрия явила миру свое мужество. Он считал эту войну справедливой. Но его эйфория длилась недолго. Отрезвление наступило, когда некоторые его коллеги или их дети погибли на фронте, когда сын Фрейда Мартин прислал ему свою прострелянную фуражку. Фрейда мучили угрызения совести, осознание своей недальновидности. Он огорчился, что стал жертвой собственного безумия. У него начались приступы депрессии. В стране не хватало продовольствия. Многие товары повседневного спроса исчезли с прилавков. Не было мяса, которое для Фрейда было основной

пищей. Он сильно похудел, похудели все члены семьи. В городе стали исчезать дрова и уголь. Трудно стало писать окоченевшими пальцами. Перестал выходить Психоаналитический ежегодник.

За два месяца до окончания войны в 1918 году был созван очередной Конгресс. Уже в новом государстве. Австро-Венгерская империя распалась. Венгрия объявила о своей независимости.

Экономическое положение в стране еще более ухудшилось. Австрийская валюта обесценилась. За буханку хлеба просили целый чемодан банкнот. Семья Фрейда потеряла все, включая сбережения, которые Зигмунд вложил в австрийские облигации. Пациентов не было из-за безденежья. Война измотала всех. Вена выглядела унылой. Лавки были пусты. Госпитали переполнены. Значительная часть населения голодала и не имела работы. Не могли найти работу и три сына Фрейда. Фрейду приходилось кормить 16 ртов, не имея при этом надежного источника доходов. Но все-таки Фрейд написал Эрнсту Джонсу: “Мы переживаем тяжкие времена, но наука – могучее средство, чтобы жить с высоко поднятой головой”.

Венгерский поклонник Фрейда Антон фон Фрейнд учредил фонд в миллион крон /четверть миллиона долларов/, который должен быть использован для психоанализа. Использованию этих денег способствовало коммунистическое правительство Бела Куна в Венгрии в 1919 году. Шандор Ференци, верный соратник Фрейда, как профессор университета, получил правительственную поддержку для основания психоаналитического института по подготовке врачей. Появившиеся деньги могли возобновить встречи членов Общества по средам. Но в ноябре венгерское правительство Бела Куна было свергнуто контрреволюционными силами и румынской армией. Пришедший к власти адмирал Хорти был крайне правых взглядов и ярким антисемитом. Он изгнал Шандора Ференци из университета, закрыл его неврологическую клинику. Затем адмирал издал приказ о замораживании банковских счетов и запрещении вывоза денег из страны. Фонд Антона фон Фрейнда прекращал свое существование.

В 1920 году Фрейд получил звание полного профессора. Но это был лишь почетный титул.

В сентябре 1920 года состоялся в Гааге первый Международный послевоенный Конгресс. Эрнст Джонс организовал завтрак в честь профессора Зигмунда Фрейда и его дочери, ученого-психоаналитика Анны Фрейд.

В 1921 году Фрейду исполнилось 65 лет. Его работы уже были переведены на многие языки. У него появилось много именитых друзей. В их числе был известный английский писатель Герберт Уэллс.

В этом же году лондонский университет объявил курс лекций о пяти великих философах-евреях: Фило, Меймониде, Спинозе, Фрейде и Эйнштейне.

В 1922 году состоялся Берлинский Конгресс, на котором Фрейд сделал доклад, где была изложена сущность созданной им Метапсихологии.

В 1923 году у Фрейда обнаружилось раковое образование во рту. До появления рака Фрейд страдал от многих болезней, он не мог похвастаться хорошим здоровьем, как об этом ошибочно пишет Стефан Цвейг в своем эссе. В конце 1880х до начала 1890х у него были “повторяющиеся приступы тахикардии с жестокой аритмией, боли в груди, отдававшие в левую руку, и одышка”. В 1894 году он страдал “тромбозом коронарных сосудов”, видимо в связи с “никотиновой интоксикацией”. Фрейд очень много курил. Психоаналитик Вильгельм Райх видел в “табакомании” Фрейда следствие сильного влечения к агрессии. Фрейд сам писал, что “обязан сигаре высокой трудоспособностью и лучшим самообладанием”. Другу он часто жаловался на приступы депрессии и недомогания, вызванные насморком, простудой, гриппом. Сердечные нарушения, по словам же самого Фрейда, “часто замещались желудочно-кишечными расстройствами”, а последние, по словам Роже Дадуна, совпали с появлением в его работах темы “анальной сексуальности”.

С 1923 года начались одна операция за другой. Чтение записей лечащего врача Фрейда, описание многочисленных удалений предраковых или раковых тканей, электрокоагуляций, пересадок, подгонки протезов приводят к выводу о железной воле больного, потрясающем терпении и мужестве. Но болезнь не отступала. Фрейд был врачом и он знал, что такое рак.

В 1924 году городские власти Вены, отступив от правила отмечать лишь семидесятилетия, присвоили ему звание почетного гражданина города.

В 1926 году в день семидесятилетия юбиляр получил сотни телеграмм с разных стран. Он был счастлив. Он с юности мечтал, что его имя появиться рядом с именами известных ученых. Но праздник омрачался непрерывными болями.

Несколько раз кандидатуру Фрейда выдвигали на нобелевскую премию, но она не проходила.

В 1930 году после издания монографии “Неудовлетворенность культурой” Фрейд был удостоен премии Гете за достижения в области искусства, что вызвало его ироническую оценку события.

В 1933 году к власти пришел Адольф Гитлер. В Париже на английском, французском и немецком языках вышла переписка между Зигмундом Фрейдом и Альбертом Эйнштейном под названием “Зачем война?” Нацисты запретили книгу в Германии. Эйнштейн покинул Германию. Многие ученые стали покидать Родину. Арнольд Цвейг отправил жену и детей в Палестину. Альфред Адлер уехал в Америку. В Австрии хорошо знали Гитлера, так как он родился в Верхней Австрии, прослушал курсы по искусству в Мюнхене, затем вернулся в Вену в надежде поступить в Художественную Академию. В 1933 году его партия завоевала большинство в Рейхстаге. Она объединила большую часть германского народа под лозунгами – “Тысячелетний третий рейх”, “Смерть всем евреям”. Гитлер развернул безжалостную войну против евреев: конфискация домов, предприятий, отказ в рабочих местах, физическое насилие, концлагеря, трудовые лагеря и лагеря смерти.

Книги Фрейда сжигались на кострах в Берлине. Берлинское психоаналитическое общество было распущено. Многие психоаналитики бежали из страны, спасая свои жизни.

В 1936 году по случаю его восьмидесятилетия Фрейду прислали поздравления Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Жюль Ромен, Виржиния Вульф, Стефан Цвейг.

В 1938 году германская армия вторглась в Австрию и захватила ее. Тысячи венцев на тротуарах вопили - “Хайль Гитлер”. Фрейд оставался в Вене. На предложения друзей покинуть Австрию отвечал отказом. Лишь после того, как Анну четыре часа продержали в гестапо, и ей чудом удалось уйти, он принял решение - уехать. Но уехать было не так-то просто. Международное психоаналитическое общество обратилось к Рузвельту, вынужденному вмешаться. Итальянский дуче Муссолини, которому в 1933г. Фрейд подарил свою книгу “Почему война?” с дарственной надписью “От старого человека, приветствующего в лице Вождя героя культуры”, обратился непосредственно к Гитлеру с просьбой позволить семье Фрейда

выехать из Вены. Разрешение было получено, но надо было заплатить 4824 доллара в виде налога, такой суммы у Фрейда не было. Бывшая пациентка Фрейда, ставшая потом другом, Мария Бонапарт выплатила всю сумму наличными. Семья Фрейд покинула Австрию, через Францию направилась в Лондон.

Всего год прожил Фрейд в Лондоне. Болезнь его прогрессировала. Хирургическое вмешательство после 33 операций, проведенных ранее, уже исключалось. Железную волю противопоставил Фрейд болезни. Он верил в излечение и делал все, чтобы изгнать ее из своей плоти. Его лечащий врач Макс Шур в книге “Смерть в жизни Фрейда” упоминает о 16 его визитах к врачу в 1923 году, 84 – в 1924, 69 – в 25, 48 – в 1926, 77 – в 1927, а только за пол 1928 года он посетил врача уже 49 раз и сменил 5 протезов. Но боли становились нестерпимыми. Сопrotивляться уже не было сил, и Фрейд просит Макса Шура, приехавшего с ним из Вены, помочь ему умереть. Когда-то он давал такое обещание. 23 сентября 1939 года он умирает. Его тело было предано кремации, а прах помещен в прекрасную греческую вазу, подаренную ему несколькими годами ранее. Погребальная урна, где покоится так же и прах Марты Фрейд, умершей в 1951 году, находится в крематории Голдерс Грин в Лондоне.

Глава 2. УЧЕНИЕ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА.

ПСИХОАНАЛИЗ.

Психологическое учение Фрейда получило название ПСИХОАНАЛИЗА. Поначалу этим термином обозначался лишь способ исследования бессознательных психических процессов и система методов лечения невротических состояний. Позже психоанализ стал достаточно целостной теорией, включившей в себя несколько взаимосвязанных гипотетических концепций, объясняющих структуру психики человека вообще, взаимосвязь ее элементов, их функции в поведении человека. Учение завершилось психоанализом культуры – созданием философско-антропологической концепции человеческой цивилизации, в которой социальные явления объяснялись теми же принципами и законами, которые, согласно учению, “работали” в психике индивидов, одинаково больных и здоровых.

Работа врача, страдания больных, невозможность помочь все возрастающему числу невротиков в силу определенного уровня развития медицинской науки и сложившейся практики, вынуждали пытливый ум Фрейда искать ответы на многочисленные проблемы автономного психического бытия человека, бытия человека среди себе подобных, и, наконец, бытия социальной психики. И этот поиск не был поиском одинокого в пустыне.

Проблема взаимосвязи души и тела человека, его сознания и окружающей действительности, мира идеального и материального, объективной и субъективной реальности - вечный основной вопрос всякой философии. Начало ее решения положили еще мыслители античной философии. Стало афоризмом и всегда актуально высказывание древнегреческого философа Фалеса – “познай самого себя”. Оно стало ядром не только учения Сократа, но и многих других учений античной философии. Представление о разумности души переросло в новое время в учение о сознательности психической жизни человека. Мы до сих пор повторяем за французским естествоиспытателем и философом Рене Декартом /лат. Картезий/: *Cogito ergo sum* /Я мыслю, следовательно существую/. За пределами сознания находятся, с его точки зрения, лишь чисто физиологические, а не психические процессы.

Философы пытались проникнуть в глубины духовного мира человека, в тайны человеческой души, понять ее структуру и пружины, движущие поступками и поведением людей. Их интересовали причины формирования качеств, свойств и черт характера. Если человек разумное существо, то способен ли он в полной мере управлять своими страстями и эмоциями.

С древности и до сих пор не утихают споры вокруг вопроса – добр или зол человек по своей природе. Естественно, что на этот вопрос высказывались разные, иногда диаметрально противоположные ответы. Если древнекитайский философ Мэн-Цзы считал человека от природы добрым существом, то Сюнь-Цзы утверждал обратное – человек зол, он с момента рождения пропитан ненавистью. Этот вопрос поднимал и древнегреческий философ Платон в своих знаменитых “Диалогах”. Он есть и в “Мыслях” французского математика, физика и философа Паскаля. Французские просветители Гельвеций, Руссо и Дидро тоже принимали участие в дискуссии по этому вопросу.

Ответить на вопрос, добр человек или зол, нельзя было без предварительного осмысления проблемы соотношения разума и страсти, рассудка и чувств, осознанных желаний и неосознаваемых влечений. Древнегреческие философы подмечали, что свести душу человека только к разуму нельзя. Платон писал, что в душе каждого человека незримо дремлет дикое, звероподобное начало, которое под влиянием сытости и хмеля, отбросив всякий стыд и разум, стремиться к удовлетворению своих вожделений. Даже в тех, кто на первый взгляд кажется разумным, умеренным и добродетельным, таится “какой-то страшный, беззаконный и дикий вид желаний...”.

Трудно не согласиться с известным исследователем фрейдизма Валерием Лейбиным, что в истории философии вряд ли можно найти мыслителя, который бы отрицал возможность проявления в человеке безудержных страстей. Даже Рене Декарт, пропевший в своей философии гимн разуму, в последние годы своей жизни обратился к миру чувств. Написал трактат “Страсти души”. Попытался классифицировать страсти. Разделил душу человека на “чувствующую”, низшую, и “разумную”, высшую. Утверждал, что между ними происходит борьба. Декарт пытался даже толковать свои сновидения, что впоследствии стало предметом обсуждения у З. Фрейда.

Конечно, вопрос не в том, признавать или не признавать в психике человека, кроме рационального, мир чувственный. Вопрос в том, в каком взаимоотношении они находятся друг с другом гармоническом или антагонистическом, держит ли разум мир страстей под своим контролем или нет. Для Платона ответ на последний вопрос был положительным. Разум может и должен подчинить себе чувства, он способен осуществлять контроль над желаниями. С точки зрения Декарта, человек приобретает абсолютную власть над страстями посредством своей воли. Однако голландский философ Спиноза выступил против веры в абсолютную власть разума. Отрицательно на вопрос о возможности разума управлять стихией страстей высказался английский философ Давид Юм. Он утверждал, что “разум есть и должен быть рабом аффектов и не может претендовать на какую-нибудь другую должность /office/, кроме служения и послушания им”.

Давид Юм не был оригинален. Еще в древнеиндийской философии школы “Ньяя” утверждали, что сознание не представляет основу реальности, субъект которой вечен и самодовлеющ. Такой основой является БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. В философской системе “Його-Патанджали” бессознательное трактуется как высший уровень познания, как интуиция и даже как движущая сила вселенной. Близкие к этим были рассуждения о демониях Сократа, которые можно квалифицировать как интуитивные бессознательные знания. У Платона тоже бессознательное – не чувственный мир, а особый мир человеческих знаний, знаний скрытых и неосознанных, о которых сам субъект может и не подозревать. У Платона душа – это бессознательное начало, а сознание – момент ее взаимодействия с окружающей средой.

В XVII и XVIII веках теологическая интерпретация психики человека стала меняться на научную. В это время остро встал вопрос о соотношении чувственного и рационального в познании, о роли в нем ощущений и мышления. Философы разделились на сенсуалистов и рационалистов, представляющих материалистическую и идеалистическую позиции. Декарт, Локк, Лейбниц, Кант, решая проблемы познания, все чаще использовали понятие бессознательного.

Декарт исходил из тождества психики и сознания. Он не признавал идею “неосознаваемой психики”. За пределами сознания, как уже отмечалось, протекают лишь чисто

физиологические процессы. Локк утверждал, что “нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувстве”. С точки зрения нидерландского философа Баруха Спинозы сложность психики человека заключается в том, что в ней есть и разум, и страсти, радость, печаль и вожеления. Люди осознают лишь свои желания, а не причины, их определяющие.

Впервые лишь немецкому философу Готфриду Лейбницу удалось вполне отчетливо сформулировать концепцию бессознательного, как низшей формы духовной деятельности. Он полагал, что все явления сознания возникают в бессознательной жизни и что идеи человека первоначально возникают как туманные представления в темной душе. Бессознательными бывают врожденные идеи, приобретенные и вытесненные из сознания, так называемые малые переживания, которые не осознаются из-за своей незначительности. По Лейбницу жизнь души заключается в развитии способности познания переходить от стадии бессознательного к стадии полного и ясного сознания.

Немецкий философ Иммануил Кант связывал понятие бессознательного с чувственным познанием, с интуицией. Он указывал на наличие чувств и восприятий, которые не осознаются, хотя можно предполагать, что они существуют. Бессознательное – это темные представления в человеке, число которых безгранично.

Французские материалисты XVIII века Поль Гольбах, Клод Гельвеций, Дени Дидро выступали против идеи бога, отрицали существование бессознательного, которое они отождествляли со сверхъестественным.

Немецкий философ Гартман выносит бессознательные психические процессы за пределы индивидуальности. Он стоял на позициях панпсихизма. Как и Шопенгауэр, он во всем видел действие внечеловеческого, всеобъемлющего, единственного начала – “представляющей воли”. В иррационалистическом духе трактовал бессознательное и Фридрих Ницше. Он считал, что вера в человеческий разум есть величайшее заблуждение, так как сам разум пришел в мир неразумным путем, случайно. Он считал основной ошибкой первых философов то, что они переоценивали роль сознания. На самом деле, существует только хаос ощущений, который дается человеку при помощи органов чувств. Разум же играет вторую роль, ему предначертано в конечном итоге исчезнуть и уступить место полнейшему автоматизму, то есть деятельности, осуществляемой бессознательно. Человек должен

руководствоваться только инстинктами и интуицией. Основным инстинктом является – “воля к власти”, составляющая первооснову и движущую творческую силу бытия.

Французский философ Анри Бергсон разработал субъективно-идеалистическое учение об интуиции. Создал теорию “бессознательного психического состояния”. Иррационалистические идеи развивал и французский психолог и социолог Гюстав Лебон / 1841 – 1931 /, известный книгой “Психология масс” /1895г./, на которую опирался З. Фрейд, развивая свою концепцию психоанализа культуры.

Таким образом, учение Фрейда о структуре психики, месте и роли бессознательного в ней имело большую философскую предысторию. Он сам неоднократно отмечал, что упоминание о бессознательном содержится в высказываниях поэтов и философов, которые понимали всю важность этого феномена для раскрытия внутренней жизни человека. Однако особенность врачебной практики Зигмунда Фрейда, актуальность исследуемых проблем, отношение к ним общественного мнения, его личная жизнь стали основой для своеобразной трактовки бессознательного и оригинального понимания механизма человеческого поведения.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, по Фрейду, в широком смысле слова, означает то содержание психической жизни, о наличии которого человек либо не подозревает в данный момент, либо не знает о них в течение длительного времени, либо вообще никогда не знал. В строгом смысле слова, бессознательное делится на предсознательное, то, что вытеснено из сознания, и то, осознание чего очень затруднено или вообще невозможно. К последнему он отнес самое “низкое” – безудержные сексуальные и агрессивные влечения.

Изучение бессознательного привело Фрейда к концепции структуры личности, названной им “МЕТАПСИХОЛОГИЕЙ” и изложенной в работе “Я и ОНО”. Согласно этой концепции, в структуре личности - три основных элемента – ОНО/ ид/, Я/ эго/, СВЕРХ-Я /сверх-эго/.

Под “ОНО” понималась наиболее примитивная инстанция, которая охватывала все прирожденное, генетически первичное, подчиненное принципу удовольствия, и ничего “не знала” ни о реальности, ни об обществе. Она изначально была иррациональна и аморальна.

“Я” следует принципу реальности, вырабатывает ряд механизмов, позволяющих адаптироваться к окружающей среде, справляться с ее требованиями. “Я” – посредник между стимулами, идущими как из этой среды, так и из глубин организма, с одной стороны, и ответными двигательными реакциями, с другой. К функциям “Я” относятся самосохранение организма, запечатление опыта внешних воздействий в памяти, избегание угрожающих влияний, контроль над требованиями инстинктов /исходящих от “ОНО”/.

Особую функцию в “Метапсихологии” Фрейд отдал “СВЕРХ-Я”. Если “ОНО” предопределено генетически, “Я” являлось продуктом индивидуального опыта, то “СВЕРХ-Я” – было продуктом влияния, исходящего от других людей, от общества. Это своего рода моральная цензура, которая тоже, как ни странно, действует бессознательно. Она имеет в сознании своего “представителя” – совесть, которая постоянно находится на страже, исполняет свою функцию – заставляет “Я” регулировать разгул страстей и влечений, дабы они не вышли за пределы дозволенного, общественных ограничений.

Главная идея психоанализа – примат бессознательного в мотивационной системе поведения человека. В сложной структуре психики безраздельно господствует “ОНО” - мир инстинктивных влечений двух родов. Влечений сексуальных, понимаемых Фрейдом более широко, чем только половые влечения, как влечения к жизни. И влечения к смерти, к разрушению, как деструктивная тенденция. А правит бал в “ОНО” принцип удовольствия. Бессознательное, по Фрейду, – это “кипящий котел страстей”.

В противоположность “Оно” “Я” олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью. “По отношению к *ОНО* Я, - считает Фрейд, - подобно всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами, “Я” же – силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошастью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и Я превращает обыкновенно волю *ОНО* в действие, как будто бы это было его собственной волей”. / 132, 432./

Психоанализ Фрейда называют ПАНСЕКСУАЛИЗМОМ /греч. Pan – все/, хотя он неоднократно протестовал против такой квалификации. Но основания для такой оценки его учения есть.

Фрейда с начала своей врачебной деятельности волновал вопрос, почему среди женщин, в основном из состоятельных семей, столько больных неврастениями. Что является причиной истерий у женщин и, как он потом понял, и у мужчин. Связаны ли “поломки” в психике людей с органическими поломками в нервной системе и организме человека? Как помочь тем, кто приходит к врачу с “женскими неприятностями”? Его не покидал вопрос, почему в каждом городе есть бродячая группа неврастеников в основном из богатых семей, нуждающихся в излечении от якобы мнимой болезни. Тридцатилетняя незамужняя дочь фермера, родившая мертвого ребенка, уверяла каждого встречного, что она его убила. Ее доставили в больницу после того, как она начала бегать нагишом по лесу и рассказывать, будто в доме ее родителей каждую ночь убивают кого-нибудь, а трупы вешают на чердаке. Случаев, подобных этому, было немало.

Фрейд вспоминал, что его лучший друг, известный в Вене врач Иосиф Брейер однажды сказал, что “в алькове стоит брачная постель, в ней начинаются и кончаются нервные болезни”. Знаменитый французский психиатр Шарко, в клинике которого в Сальпетриере Фрейд был на стажировке в 1885г., тоже говорил, что женские неврозы всегда связаны с половыми органами. Фрейд, осматривая невротиков, часто вспоминал его слова - “ в таких случаях вопрос касается секса – всегда, всегда, всегда”. Эти высказывания насторожили Фрейда, пробудили его интерес к проблеме бессознательного, породили идею об особой роли сексуальных влечений в нервных болезнях.

Обращение ученого к вопросам пола было закономерным. Фрейд обратил внимание, что половая дисгармония между мужчиной и женщиной, недоучет особенностей женской психологии в период сексуальных взаимоотношений, в целом половая безграмотность являются причиной неврастений, названных врачами “женскими неприятностями”. Другое дело, что он ошибочно назвал эту этиологию неврозов единственной, с чем не согласились впоследствии его соратники, А. Адлер и другие.

Осложнялся психологический анализ невроза сложившимися моральными нормами и традициями в Европе в конце XIX века. О них хорошо написал в 1930 году Стефан Цвейг в книге

“Врачевание и психика”. В новелле, посвященной Зигмунду Фрейду, он дал уничтожающую критику ханжеской морали того времени и буквально воспел подвиг Фрейда, пробившего брешь в фальшивой и лицемерной атмосфере, в которой все “работало” не на исцеление страдающих, а на их рост. Целое столетие, когда общество сделало такой грандиозный скачок в царство разума, когда люди добились таких великих открытий в науке и технике, сохранялся заговор молчания вокруг вопросов пола. И он был традиционным.

С. Цвейг пишет: “...Каждое сообщество стремилось подавлять первобытные инстинкты при помощи своих особых приемов. Жесткие цивилизации прибегали к жесткой силе: эпохи лакедемонская, древнеиудейская, кальвиновская и пуританская пытались выжечь извечный инстинкт сладострастия раскаленным железом. Но жестокие в своих предписаниях и запрещениях, эти драконовские законы служили все какой-то логической идее. А всякая идея, всякая вера освящают до некоторой степени допущенное ради них насилие. Если Спарта требует нечеловеческой дисциплины, то лишь в интересах воспитания расы, мужественного, воинственного поколения; с точки зрения ее идеального “города”, идеального общества, всякая свободно изливающаяся чувственность представляется хищением государственной мощи. Христианство, в свою очередь, борется с плотскими устремлениями человека ради одухотворения, ради спасения вечно заблуждающегося человеческого рода. Именно потому, что церковь, обладающая высшею психологическою мудростью, знает плотскую адамову страсть в человеке, она насильственно противопоставляет ей как идеал страстность духовную; при помощи костров и темниц рушит она высокомерие своевольной человеческой природы, чтобы способствовать душе в обретении ее высшей, изначальной родины...” /146, 226/

“Но во имя чего, - продолжает Цвейг, - ради какой идеи требует XIX столетие, с давних пор только внешне благочестивое, вообще какой-то узаконенной нравственности?...В действительности и новейшее государство ничуть не беспокоится, как некогда церковь, о подлинном моральном усовершенствовании своих поданных; единственно закон общественности настаивает на соблюдении внешних приличий. И не требуется, таким образом, действительной морали, подлинного нравственного поведения, требуется только видимость морали, порядок, когда каждый на

глазах у каждого поступает “словно бы”. А в какой мере отдельный человек ведет себя в дальнейшем себя действительно нравственно, остается его частным делом; он не должен только дать себя застигнуть врасплох при нарушении благопристойности. Может случиться всякое, и даже многое может случиться, но все это не должно вызывать никаких толков. Можно, следовательно, в строгом смысле выразиться так: нравственность девятнадцатого столетия вовсе не касается существа проблемы. Она от этой проблемы уклоняется, и все свои усилия сосредоточивает на ее обходе. Единственно благодаря безрассудной посылке “если что-либо прикрыть, как следует, то оно не существует”.../146, 226-227/ “Только не привлекать внимание людей на область пола, и они забудут... Только проходить побыстрее, отвратив взоры, мимо всего щекотливого, поступать так, как будто ничего нет, - вот и весь кодекс нравственности девятнадцатого столетия.” / 146, 228/

Рискуя нарушить закон меры при цитировании тех или иных мыслителей в подобных работах, не могу не привести еще одно высказывание Стефана Цвейга, характеризующего нравственный порок Западного общества XIX века. “ В этот планомерный поход против искренности государство мобилизует согласованным порядком все зависящие от него силы. Все – искусство и наука, мораль, семья, церковь, низшая школа и университет, - все получают одинаковую инструкцию относительно ведения войны: уклоняться от всякой схватки, не приближаться к противнику, но обходить его на далеком расстоянии, ни в каком случае не вступать в настоящую дискуссию. Борются отнюдь не при помощи аргументов, но молчанием, только бойкотировать и игнорировать. И чудесным образом послушные этой тактике, все духовные силы культуры, рабски ей преданные, отважно проделали лицемерный церемониал обхода проблемы. В продолжение целого столетия половой вопрос находился в Европе под карантином. Он не отрицается и не утверждается, не ставится и не разрешается, он потихоньку оставляется за ширмы. Организуется громадная армия надсмотрщиков, одетых в форму учителей, воспитателей, пасторов, цензоров и гувернанток, чтобы оградить юношество от всякой непосредственности и плотской радости. Ни одно дуновение свежего воздуха не должно коснуться их тела, никакой разговор, никакое разъяснение не должны потревожить их душевного целомудрия”. /146, 228/

Как не согласиться с известным романистом, такая ситуация тормозила развитие психологической науки, с одной стороны, и несла с собой неизбежно поломки в детских душах лицемерием взрослых, их невежественностью и, естественно, рожденных этим, жестокостью. Находящийся под запретом “половой вопрос” переносил половое просвещение из аудитории в подворотню, где тайны половых взаимоотношений передавались на ухо, шепотом. Половое созревание подростков сопровождалось комментарием ученых мужей, что всякое “необычное” половое проявление – это “порок”. Это рождало чувства стыда и страха. Любое половое отклонение объявлялось “неизлечимой” болезнью. Неврастения сотням и сотням была обеспечена. Ни психология, ни медицина не решаются проникнуть в глубинные причины этих недугов, врачи осознают свою беспомощность. Продолжают душевнобольных отправлять в водолечебницы, отпаивать их бромом, обрабатывать их кожу электровибрацией.

Однако в начале XX века в сексологических исследованиях Фрейд уже не был одинок. Один за другим ученые и в Европе, и в России тоже начинали проводить массовые сексологические опросы населения. Появились сексологические журналы и были созданы исследовательские общества. В 1913г. было создано “Международное общество сексологических исследований”. В 1914г. возникло “Медицинское общество по сексологии и евгеники”. В 1928г. на съезде в Копенгагене была основана Всемирная лига сексуальных реформ”. В это же время представитель “фрейд-марксизма” Вильгельм Райх /1897-1957/ в работе “Сексуальная революция” изложил свою спекулятивную теорию пола, он отождествил всякое творчество с оргазмом, а всякое социальное регулирование сексуального поведения с репрессивной буржуазной моралью. Райх считал сексуальную революцию предпосылкой любых глубинных социально-экономических преобразований. Большое социологическое и социально-психологическое исследование сексуального поведения проводил с 30х годов американский ученый Альфред Кинзи / 1894-1956/, а после его смерти Институт имени А. Кинзи в США.

Обращение Зигмунда Фрейда к вопросам пола, к проблеме бессознательного, к его важнейшему элементу, сексуальным влечениям, - несомненно, колоссальная заслуга ученого, свидетельствующая не только о его открытиях, но и его смелости. На ранних стадиях своей врачебной деятельности Фрейд поставил

задачу выяснить причины истерий, не только женских /всегда считалось, что они только женские/, но и мужских, исследовать задержки и расстройства сексуальных инстинктов, их место в этиологии неврозов.

Драма Софокла “Эдип – царь” послужила Фрейдю строительным материалом для возведения здания пансексуализма. Он читал ее в подлиннике на греческом языке, но просмотр театральной постановки произвел на него особенно сильное впечатление. В царстве Фив при рождении сына Эдипа оракулы предсказали родителям, царю Лаю и царице Иокасте, что сын убьет своего отца и женится на своей матери. Родители, взволнованные предсказанием, отдали ребенка пастуху, чтобы он унес его в горы и оставил там умирать. Однако пастух ослушался и отнес его в отдаленный Коринф. Там мальчика усыновили царь Коринфа Полиб со своей женой, и он вырос, как их сын. Услышав однажды насмешки в свой адрес, он отправился к оракулу, который предсказал ему, что он станет убийцей своего отца и мужем собственной матери. Потрясенный предсказанием, Эдип бежал из Коринфа. По дороге он повстречался с несколькими путешественниками, и один из них, старый человек, в ссоре ударил Эдипа палкой. В отместку Эдип убил его. Он, конечно, не знал, что это его отец Лай. Придя в Фивы, он узнал, что город находится в беде. В полях погибает урожай. Начался падеж скота. Матери становятся бесплодными. Угрожало чудовище с лицом женщины, крыльями птицы и хвостом льва – Сфинкс. Встав у входа в Фивы, он задавал проходящим загадки и пожирал не умевших ответить. Никому еще не удавалось их разгадать. Креонт, царствовавший в Фивах после смерти Лая, обещал руку вдовы Иокасты и корону тому, кто освободит город от страшного чудовища. Эдип решил попытаться счастья. “Какое животное, - спросил его Сфинкс, - имеет сначала четыре, потом две и три ноги?” “Это человек”, - ответил Эдип. Человеческий ребенок сначала ползает на четвереньках, потом ходит на двух ногах, в старости пользуется палкой, как третьей ногой. Так Эдип разгадал загадку, спас страну и получил законное вознаграждение – стал женой Иокасты и взошел на трон Фив. В признательность за это жители признали его царем Фив. У них родилось два мальчика и две девочки.

Однажды во дворец привели слугу Лая, вернувшегося в Фивы. Эдип узнал, что старый путник, которого он убил, был царь Лай. Он получает и другое известие, что в Коринфе его отец Полиб

умер от старости. Считая себя сыном короля Коринфа, он успокаивается, так как одна часть предсказаний отпала. Но все - таки говорит Иокасте: “А все же я боюсь матери боюсь”. Она ему отвечает: “Чего ж бояться, если ты уверен, что случай правит жизнью твоею, а провидению места нет нигде. Жить надо просто, как позволит доля. Брак с матерью! Иной и в вещем сне его свершит, и чем скорее забудет, тем легче жизнь перенесет свою”. Посыльный из Коринфа признается затем, что он был тем пастухом, который принес Эдипа в Коринф. Эдип начинает искать первого пастуха. Находит его и узнает всю правду. Эдип – сын Лая и Иокасты. Эдип проклинает человека, сохранившего ему жизнь. Убитая горем Иокаста, повесилась. Эдип снял ее тело и золотыми брошками, скреплявшими ее одежды, выколол себе глаза.

Вольная интерпретация драмы Софокла Фрейдом “поработала” на концепцию детской сексуальности, согласно которой сексуальность сопровождает человека с момента его рождения. Она реализует принцип наслаждения не ранних стадиях сексуальности, анальной и оральной, затем на более поздней – генитальной. Отклонения в сексуальном развитии, например сексуальные домогательства одного из родителей в той или иной форме, оставляют неизгладимый след в психике ребенка, оказывая влияние на формирование его характера. Значимую роль может играть в будущем поведении человека и следы в памяти, оставленные необычными для ребенка картинками из сексуальной жизни его родителей.

Одной из центральных категорий психоанализа стал так называемый Эдипов комплекс. Он определяется как установка ребенка, которая складывается на фаллической /генитальной/ стадии сексуального развития между 3 и 4 годами. У мальчика развивается любовь к матери и желание инцеста с ней и одновременно ревность и ненависть по отношению к отцу с желанием устранить его как соперника. У девочки развивается аналогичный комплекс /любовь к отцу и ненависть к матери/. Называется он комплексом Электры.

Но, во-первых, в работах Фрейда трудно найти аргументы, доказывающие, что стремление к инцесту вообще присутствует в детском организме. Во-вторых, до сих пор в юридической практике не известны случаи, когда бы сын сознательно убивал своего отца с целью инцеста с матерью, при этом медицинская экспертиза характеризовала бы его как находящегося в момент убийства в

состоянии вменяемости. Но и наличие таких примеров не давало бы права Эдипов комплекс квалифицировать, как норму психической организации человека, единичные факты не дают основания для глобальных обобщений. В-третьих, небезосновательно возмущение поклонников драматургии Софокла вольностью Фрейда в проведении аналогии между жизненной трагедией Эдипа и преступлением сексуального маньяка, случись с ним реализация, сочиненного Фрейдом, комплекса.

Николай Бердяев в “Самопознании” писал: “Но я никогда не мог открыть в себе ничего похожего на Эдипов комплекс, из которого Фрейд создал УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МИФ” /17, 15. выделено мной Л.П./ Мифологический характер Эдипова комплекса иногда признавался и самим Фрейдом, называвшим его “научным мифом”. Эта концепция подвергалась критике не только исследователями, далекими от психоанализа, но и учеными, находившимися под влиянием его идей.

Интересен факт, приведенный Ирвингом Стоуном в книге “Страсти ума или жизнь Зигмунда Фрейда”. В 1986г. у Фрейда умер отец. Смерть близкого человека потрясла Фрейда. Он впал в депрессию. Он не мог изгнать из ума наплывавшие образы и воспоминания об отце. Особенно огорчало его воспоминание о рассказе отца. Когда отец был молодым и гулял в парке в хорошей одежде и новой меховой шапке, к нему подошел человек христианской веры, сбил шапку в грязь и закричал: “ Жид! Убирайся с тротуара ”. Особенно мучило Зигмунда, что отец молча шагнул на мостовую и подобрал шапку.

Навязчивые постоянные мысли об отце, анализ прошлых взаимоотношений с отцом привел Фрейда к “психологической бездне”. Он пытался растолковать виденные в семилетнем возрасте сцены отца и матери в постели, у него не выходила из головы всплывшая в памяти его привычка, будучи маленьким, мочиться за дверь. И главное, осуждение этой привычки отцом. Воспоминания детства переплетались в его голове с его современными интерпретациями причудливо. И он делал из всего этого фантастические выводы. Оказывается, он ревновал свою мать к отцу! Он хотел положить конец тому, что происходило. Он выбрал вот такой способ - демонстрировал непослушание за дверь. Он хотел отвлечь внимание матери от отца и занять его место в ее привязанности. Освобождая мочевой пузырь, не

симулировал ли он то, чем занимался его отец? Он как бы завершал акт любви, случайно увиденный им.

Психическое состояние Фрейда стало критическим. Он стал раздражительным, чего с ним никогда не было, потерял интерес к своим пациентам, стал оказывать на них давление. Он замкнулся в себе, потерял надежду, был охвачен страхом перед собственной смертью. В таком состоянии он приходит к парадоксальному выводу, что его невроз после смерти отца был вызван тем фактом, что его подсознание считало его виновным в желании убить отца и лечь в постель с матерью. Он писал в письме своему другу Флису: “ Я обнаружил любовь к матери и ревность к отцу так же в моем собственном случае и теперь считаю это общим феноменом раннего детства.... Если это так, то захватывающая сила Эдипа-царя становится разумной.... Греческий миф построен на принуждении, которое знает каждый, ибо чувствует его следы в самом себе. Каждый член аудитории когда-нибудь чувствовал в самом себе фантазии Эдипа...”./ 115, 432 /

Фрейд осознавал, что навязчивые мысли преследуют его. Но болезненное расстройство началось у Фрейда до смерти отца. Изоляция в обществе была нестерпимой. Первые лекции о мужской истерии, которые он прочитал по возвращении из стажировки у знаменитого Шарко в клинике Сальпетриер на заседании Медицинского общества в 1886г., были встречены враждебно. Врачи были оскорблены его заявлением, что в Париже применяют более передовую неврологическую методику. На последующие заседания пришли лишь единицы. Вслед за Шарко Фрейд стал использовать гипноз /от которого, правда, он очень скоро отказался/, а в Вене гипноз называли “шлюхой”, которую нельзя пускать в уважаемые медицинские круги. Книгу Фрейда “Об истерии” приняли плохо. Появились отрицательные обзоры в печати. Его стали сторониться знакомые, и даже друзья. В 1896г. после лекции “Этиология истерии”, прочитанной им в Обществе психиатрии и неврологии, он был подвергнут новому ostracismu. Неодобрение его доклада было всеобщим. Его выводы называли “научной басней”.

Особенно острой критике подверглись его идеи о детской сексуальности. И часто не без основания. Фрейд описывал рассказы своих пациентов, которые раскрывали ему свое прошлое, углубляясь в свое детство. Иногда Фрейд “помогал” пятидесятилетнему больному вспомнить, чего тот хотел в

полуторогодовалом возрасте. Часто он подгонял, направлял беседу с душевнобольным в русло своей уже сложившейся умозрительной концепции. Примеров этому в работах Фрейда и библиографических материалах более чем достаточно. Например, посетил Фрейд мужчина, который в детстве, якобы, не был приучен пользоваться туалетом, Фрейд делает вывод, что именно поэтому он стал скупым. К Зигмунду приходила женщина, которую мучили сновидения, будто всякий раз, как она со служанкой приходит на рынок за мясом, ей мясник неизменно отвечал: “Этого больше нет” или “Мясная лавка закрыта”. Фрейд эти фразы связал с тем, что муж давно не ласкает жену, и, так сказать, закрыл для нее “мясную лавку”.

После публикации его статьи “Наследственность и этиология невротозов”, где Фрейд утверждал, что “поломки в сексуальной сфере – единственная причина невротозов, он столкнулся с бурей возмущений. Его называли человеком с “грязными мыслями”, “подглядывающим в замочную скважину”, “сексуальным маньяком”, “торговцем похотью и порнографией”, “осквернителем духовных качеств человека”, “бесстыдным, нескромным, распутным, скотским”.

Психологическая атмосфера, сложившаяся вокруг ученого, напоминала обструкцию. Фрейд тяжело переживал изоляцию. Тем более что он был очень честолюбивым человеком. С молодых лет мечтал высечь на скале свое имя, встать рядом с выдающимися учеными времени. Почти каждое свое открытие он считал “величайшим”. После одной из непринятых слушателями лекций он сказал жене: “Ослы холодно приняли ее”. В сложившейся ситуации трудно не сломаться. И хотя Фрейд, по свидетельству биографов, был сильной личностью, многолетнее психическое напряжение сделало свое дело. Смерть отца стала лишь последней каплей, приведшей к депрессии.

А в состоянии невроза человек может быть способен на любые фантазии, но в каком же состоянии находится современная психология, особенно российская, если бредовые идеи, высказанные в конце 19 века, пусть и известным ученым, она не в состоянии отличить от его же собственных настоящих открытий. Или известное имя магически действует и парализует аналитическое мышление психологов 21 века?

Неврологическая и психиатрическая практика дали достаточно примеров возникновения невротозов и психических “поломок”,

связанных с нарушением гармонии в половых взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Но в этиологии неврозов – не только сексуальные факторы. Не случайно коллеги Фрейда по психоаналитическому обществу протестовали против сужения сферы этиологии неврозов.

Сама жизнь опровергала односторонность в толковании происхождения неврозов. В 1914 году в Сараево сербом был убит эрцгерцог Франц Фердинанд. Австрия объявила войну Сербии. Вначале Фрейд был полон патриотических чувств. С гордостью говорил, что Австрия явила миру свое мужество, что он как никогда стал чувствовать себя австрийцем. На военную службу были призваны многие психоаналитики. Но эйфория Фрейда прошла быстро, когда на поле сражений пали дети его коллег и друзей. Сын Мартин написал с фронта, что его фуражка и рукав пробиты пулями. В стране не хватало продовольствия. Многие товары повседневного спроса и продукты исчезли с прилавков магазинов. В Вене не было мяса, а это была основная пища ученого. Он сильно похудел, похудели все члены семьи. Затем стали исчезать дрова и уголь. Цены возросли в два-три раза. В квартире было холодно. Трудно стало писать окоченевшими пальцами. Психоаналитический ежегодник перестал выходить. Фрейд впал в депрессию. Она прошла, когда закончилась война, живым вернулся с фронта сын, и наладилась жизнь в Вене. Фрейд не стал использовать психоаналитический инструментарий для объяснения своей депрессии и участвовавшие неврозы среди венцев.

Да у Фрейда и не было никаких оснований переносить выводы психиатрической практики на здоровых людей, гипертрофируя сферу сексуальных влечений в богатой структуре душевной организации человека. Фрейд не изучал психологию здорового человека с нормальной психикой. В противоречивой био-психо-социальной структуре личности он, сознательно или бессознательно, абсолютизировал биологическое, проигнорировав его социальную сущность. На предложение одного из своих ближайших соратников Адлера познакомиться с социальной теорией Карла Маркса, Фрейд отмахнулся: “Мне бы разобраться с борьбой полов, когда мне заниматься борьбой классов...”. Пренебрежительное отношение к социальному фактору неизбежно породило умозрительность в решении многих вопросов, связанных с психоанализом человека и всей человеческой истории.

В антагонизме Я и Оно Фрейд видел истоки научного и художественного творчества. Он считал, что вытесненные нереализованные, социально неприемлемые, сексуальные импульсы, имеют тенденцию ждать своего часа, чтобы при определенных условиях проявиться, или сублимироваться в творческую энергию и реализоваться в деятельности. Сублимацией сексуального Фрейд объяснил и жизненный путь Федора Достоевского, Шекспира, Гете и Леонардо да Винчи.

В работе “Леонардо да Винчи. Воспоминание детства” Фрейд отдает должное талантливому художнику, выдающемуся изобретателю и естествоиспытателю. И отмечает, что биограф, взявшийся проанализировать жизненный путь своего героя, понять его духовную жизнь, “не должен, как это бывает в большинстве биографий, обходить молчанием из скромности или стыдливости его половую своеобразность”. / 136, 375/ Трудно с этим спорить, биография не должна быть односторонней, если поставлена цель дать целостный образ героя. Но весь очерк о великом художнике, написанный Фрейдом, оказался сексуально ориентированным. Вторых, его меньше всего можно назвать попыткой объективного исследования, скорее, это произвольная психоаналитическая конструкция. Так, теоретизируя насчет различных типов детского сексуального вытеснения, Фрейд “решает” отнести своего героя к третьему типу, хотя с самого начала работал с тем, что мы совсем мало знаем о детстве и юности Леонардо. “Третий тип, самый редкий и самый совершенный, в силу особого предрасположения избегает как умственной задержки, так и невротического навязчивого влечения к мышлению. Сексуальное вытеснение и здесь тоже наступает, но ему не удается подавить часть сексуального наслаждения в бессознательное, напротив, либидо избегает вытеснения, сублимируясь с самого начала в любознательность и усиливая стремление к исследованию”./ 136, 382 / Так Фрейд объясняет открытия Леонардо да Винчи законов механики, процессов окаменения в Арнотале, создания летательного аппарата. “Если мы обратим внимание на соединение у Леонардо сильного влечения к исследованию с бедностью его половой жизни /ни один биограф не дал таких свидетельств – Л.П./, которая ограничивается, так сказать идеальной гомосексуальностью, мы склонны будем рассматривать его как образец нашего третьего типа. То, что после напряжения детской любознательности в направлении сексуальных интересов, ему

удалось большую долю своего либидо сублимировать в страсть к исследованию, это и есть ядро и тайна его существа. Но, конечно, НЕЛЕГКО ПРИВЕСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЭТОГО ВЗГЛЯДА. Для этого необходимо заглянуть в развитие его души в первые детские годы, но кажется БЕЗУМНЫМ РАСЧИТЫВАТЬ НА ЭТО, так как сведения о его жизни слишком скудны и неточны и, кроме того, дело идет здесь о сведениях и отношениях, которые даже у лиц нашего поколения ускользают от внимания наблюдателей”. / 136, 382 -383./

Однако скудность фактов детства и ранней юности Леонардо оказалась не помехой. Фрейду и не важно было, на каком объекте он будет оттачивать острие своего психоаналитического сексологического скальпеля. “Наблюдения ежедневной жизни людей показывает нам, что многим /кому? – Л.П./ удастся перевести значительную часть их полового влечения на их профессиональную деятельность. /Похоже, что себя Фрейд не включил в число этих “многих”./ Половое влечение особенно приспособлено для того, чтобы делать такие вклады, потому что оно одарено способностью сублимирования, т.е. оно в состоянии заменить свою ближайшую цель другими, смотря по обстоятельствам, более высокими и не сексуальными целями. Мы считаем доказанным такое превращение, если в истории детства, т.е. то есть в истории развития души лица мы находим, что какое-нибудь сильно выраженное влечение служило сексуальным интересам. Мы далее видим подтверждение тому, если в зрелом возрасте наблюдается бросающийся в глаза /кому? – Л.П./ недостаток сексуальной деятельности, как будто часть ее заменилась здесь деятельностью этого могучего влечения”. / 136, 380/

Прямо-таки находкой для Фрейда стал сон Леонардо, виденный им якобы в раннем детстве, описанный одним из исследователей. “Когда я лежал еще в колыбели, прилетел ко мне коршун, открыл мне своим хвостом рот и много раз торкнулся хвостом в мои губы”. / 136, 383./ Несколько строк послужили Фрейду поводом для многостраничного фантастического трактата, попытки, как он писал, психоаналитическими глазами посмотреть на жизнь великого художника.

Фрейд понимал, что современные читатели находят “безвкусными” все биографии, написанные с точки зрения патологии, можно добавить, и с точки зрения лишь одного

инстинкта, пусть и важного для развития человека. Они, сетовал он, еще находят, что, разбирая великого человека с точки зрения патологии, нельзя прийти к пониманию его значения и его деятельности. А разве это не так? Разве величие дел личности, их социальная значимость не определяется эпохой, потребностями общества и того обстоятельства, насколько великому человеку удалось помочь в реализации этих потребностей? Разве успешность деяний, масштабность их влияние на жизнь масс не зависит от таланта, ума, духовного богатства, силы воли, характера созидающей личности? Разве правомерно побудительные силы творчества, которое всегда насколько индивидуально, настолько же и социально, сводить лишь к биологическим законам плоти и психологической игре инстинктов?

Фрейд же считал, что упреки в неправомерности подобного подхода несправедливы. “Патография вообще не задается целью сделать понятной деятельность великого человека, и нельзя ведь никому ставить в упрек, что он не исполнил того, чего он никогда и не обещал”. / 136, 415./ Все критики психоаналитических биографий великих людей ошибаются, считал Фрейд, что можно людей разделять на здоровых и больных. На самом деле нельзя провести резкую границу между здоровьем и болезнью, нормальным и нервным. Тогда понятно рассуждения психоаналитика: “ Мы решительно заявляем, что никогда не причисляли Леонардо к невротикам или, по неудачному выражению, к “нервнобольным”. И через несколько строк: “ По мелким признакам личности Леонардо мы должны приблизить его к тому невротическому типу, который мы называем типом навязчивости, его исследование приравнять к навязчивым мечтаниям невротиков...”. / 136, 416./ Но как согласуется с врачебной этикой психоаналитический прием, когда человека одновременно называют и здоровым и больным? Ведь речь не идет о больной ноге и здоровой почке.

Фрейд признает, что о половой жизни Леонардо да Винчи известно очень мало. Но “приходится все-таки верить, что свидетельства современников не так уж грубо заблуждались. В свете этих преданий он представляется нам человеком, половая потребность и активность которого были очень понижены, как будто более высокое стремление подняло его над общей животной потребностью людей.... Ожидать от Леонардо чего-нибудь большего, кроме следов непревращенного сексуального влечения,

мы не вправе. Эти же следы по своему направлению и позволяют причислить его к гомосексуальным”./ 136, 396 – 397./

Сказав “А” Фрейд действительно уже “не в праве” был отступить от психоаналитического правила – черты характера человека определять из его детской сексуальности. Теперь уже не так важны биографические детали детства. Они общи для всех.

Работа Фрейда “Леонардо да Винчи. Воспоминания детства” представляется вообще блестящим образцом игры изощренного ума, где органически переплетаются богатая эрудиция ученого, бездоказательность, произвольная интерпретация фактов биографии великого мыслителя и художника, безосновательная экстраполяция общих мест клинической патологии на сложную неординарную личность этого выдающегося человека. Гениальность ученого, талант художника, высокая культура общения с ближними, щедрость по отношению к ученикам, даже житейские привычки, например, запись истраченных средств – все Фрейд объясняет сексуальной детерминацией.

Сравним теперь, написанный Фрейдом, сексологический портрет Леонардо да Винчи с зарисовкой жизни человека исключительной биографии, сделанной молодым испанским философом Ортегой-и-Гассет: “ Всем известно, что Леонардо – самый типичный представитель того ренессансного универсализма, который стал своего рода неожиданным пророчеством о расширении горизонтов человеческих возможностей. Математик и архитектор, инженер и философ, музыкант, искусный наездник, отличавшийся изысканным вкусом и приятностью в обращении, этот человек казался своим современникам воплощением демонического, нечеловеческого начала. Со всей страстностью своей тонкой натуры Леонардо без остатка отдает себя людям и изучению природных явлений.

В какой только области человеческой деятельности не оставил следа его провидческий гений! Он намного опередил свое время, сделав ряд открытий в геологии, физике, механике, астрономии, военном искусстве, авиации, аэростатике, ботанике, физиологии...

Во всех областях человеческой деятельности он испытывал свои силы, он все хотел, стремился все сделать: и то, что было, и то, что не было в его силах. Отсюда та меланхолическая неудовлетворенность, которой, как воздухом, полны его картины. В такой атмосфере живет и Джоконда. И, подобно Джоконде, все

его герои улыбаются, чтобы не заплакать, улыбаются от досадной неудовлетворенности своим существованием, улыбаются, чтобы не покончить с собой. Для Джоконды, этого зеркала души Леонардо, осознавать себя частицей вселенной, чувствуя свое бессилие перед невозможностью охватить все трепетное разнообразие ее неисчерпаемых форм, не может быть жизнью. Для нее – это не жизнь, а подобие смерти”. / 82, 97-98/

Остается непонятным, почему же биографы-психоаналитики, писавшие о Фрейде, не использовали сексологический ключ. Почему не попытались им открыть столь одностороннюю ориентацию концепций их учителя, не искали причин такой односторонности в особенностях его половой ориентации, проблемах личной жизни и семейно-брачных отношений? Сам же Фрейд не терпел даже малейших отклонений от психоанализа, его борьба за “чистоту” учения была бескомпромиссной. Она делала его даже жестоким по отношению к друзьям и соратникам.

Можно лишь догадываться, что представляла бы биография Фрейда, будь она написана по типу творческого портрета Леонардо да Винчи, произвольно сконструированного им самим. Видимо, у биографов Фрейда не было такой богатой фантазии, как у их учителя, не было такого таланта вольно интерпретировать факты, избирательно используя лишь некоторые данные жизни, избранного для анализа героя, для иллюстрации заранее построенной психологической конструкции. А, главное, у них не было, видимо, веры в абсолютную правильность психоаналитического метода, который, будь он применен к рассказу о его основателе, искажил бы до неузнаваемости почитаемый ими образ. Ведь именно это случилось с биографическим опытом психоаналитиков при “анализе” личности Леонардо да Винчи, Достоевского, Гитлера, Муссолини.

Логика написания Фрейдом сексологических биографий известных людей /Микеланджело, Гете/ сама нуждается в тщательном изучении текстов его биографических работ, механизме его психоаналитического метода и личных мотивов аналитической деятельности самого биографа. Несомненно, это помогло бы пониманию абсолютизации Фрейдом лишь одного из мотивов человеческого поведения. Вряд ли можно согласиться с известным исследователем политической и идеологической функции современной западной психологии С. К. Рошиным, который считает “крайне вульгарным и ненаучным” попытку

объяснить пансексуальное содержание фрейдизма особенностями личности самого Фрейда. Вульгарен и ненаучен пансексуализм. А учет особенностей личности, ее интересов и увлечений, способностей и талантов, анализ социального времени и жизненного пространства просто необходим, чтобы понять процесс творчества и его результаты.

Логичней согласиться с крупнейшим американским психологом Эрихом Фроммом: “ Психоанализ, как любил подчеркивать сам Фрейд, был *ego* творением. И величайшие достижения и недостатки этой теории несут на себе отпечаток личности ее основателя. Уже поэтому истоки психоанализа следует искать в личности Фрейда”. / 142, 3./

Иррационализм в трактовке человека и его деятельности, появившаяся в последние годы жизни Фрейда концепция влечения к смерти / Тонатос /, как параллельный Эросу элемент в психике человека совпадает с определенным периодом в жизни Фрейда. Несмотря на большую трудоспособность, энергию и выдержку, Фрейд в последние годы все чаще жаловался на усталость, мысли его все чаще обращались к смерти. В конце 90х годов он перенес тяжелейшую депрессию. Он трижды говорил своим близким, что умрет через десять лет. Но проходило одно за другим десятилетие, и жизнь продолжалась. В двадцатом году он потерял свою дочь и близкого друга. Их смерть он переживал очень остро. В 1923 году умер его внук, что принесло ему большую душевную травму. В это же время у него обнаружили рак верхней челюсти, в связи с чем он перенес 33 операции. Но всегда был сдержан и не жаловался близким на свои страдания. События этих лет не могли не отразиться на его душевном состоянии, не могли не поработать на его пессимизм.

Небезынтересны в этом плане рассуждения Эриха Фромма в книге “Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния” об отношении Фрейда к женщинам и любви. Американский психолог ссылается на самую полную и обстоятельную тысячестраничную биографию Фрейда, написанную его официальным биографом Джонсом. Фромм в психоаналитическом духе интерпретирует многочисленные сны Фрейда, его идеи и концепции.

Фромм пишет, что Фрейд был наделен относительно слабым интересом к женщинам, его сексуальное влечение к ним было незначительным. Это же подтверждает Ирвинг Стоун, когда пишет

о студенческих годах Фрейда. Вена пользовалась репутацией города, где была самая большая свобода в вопросах секса. В Вене были специальные дома с привлекательными молодыми проститутками и всегда были доступны женщины-девушки по вызову. Его обеспеченные приятели, как бы мы сейчас сказали, однокурсники, находили себе любовниц из рабочих кварталов, из близлежащих деревень и содержали их до конца учебы. Фрейд не имел средств на забавные сексуальные истории, да и желания тоже.

Взаимоотношения Фрейда с женой до и после женитьбы были контрастными. Фромм обращает внимание, что в годы помолвки Фрейд был пылким, страстным и предельно ревнивым влюбленным. 2 июня 1884 года он писал Марте: “ О горе тебе, принцесса, когда я приеду. Я зацелую тебя до красноты, накормлю до полноты. И ты увидишь, кто сильнее – маленькая милая девочка, которая недоедает, или большой дикий мужчина с кокаином во плоти”. / 142, 21. /

Он был не только пылко влюблен, но имел страстное желание полностью контролировать Марту. Это рождало сильную ревность ко всякому, кто мог бы вызывать у нее интерес. Фрейд даже запретил ей упоминать имя ее кузена Макса Майера, как Макса, рекомендовалось только как господина Макса. По поводу же молодого человека, влюбленного в Марту, Фрейд писал: “ Когда я вспоминаю о твоём письме Фрицу и дне, проведенном нами на горе Кален, я теряю над собой всякий контроль, готов уничтожить весь мир, включая нас обоих, чтобы начать все сначала – даже с тем риском, что в нем уже не будет Марты и меня, - я сделал бы это без всяких колебаний”. / 142, 22. /

Ревность Фрейда распространялась и на чувства Марты к ее семье. Он требовал от нее, “ чтобы она не просто обрела способность подвергать мать и брата объективной критике и оставить их “дурацкие предрассудки”, но чтобы она лишила их вообще всех своих чувств – на том основании, что они были его врагами, а она должна разделять его ненависть к ним”. /142, 22. /

В случае с братом Марты, Эли, проявилась не просто ревность, но необузданность характера Фрейда, если не употребить более резкое, но адекватное, слово. Марта доверила своему брату деньги, которые она и ее жених хотели потратить на покупку мебели для квартиры. Но Эли вложил деньги в дело и, чтобы не отдавать им их все сразу, предложил молодым купить мебель в рассрочку. Фрейд был в ярости. Он предложил Марте написать брату письмо и

назвать его “подлецом”. Даже после того, как Эли вернул деньги полностью, Фрейд требовал, чтобы “она более ему /Фрейду/ не писала, пока не пообещает порвать всякие отношения с Эли”. / 142, 23./

Фрейд стоял на позиции мужского превосходства и признании естественного права мужа контролировать жизнь своей жены. Именно поэтому он считал идеи Джона Стюарта Милля о женской эмансипации абсурдными, тогда как через пятьдесят лет они стали общепризнанными. В оценке мысли Милля о том, что женщина вполне может зарабатывать столько же, сколько мужчина, Фрейд рассуждает, как большинство мужчин того времени, и напоминает замшелого ретрограда, мало, что знающего о человеческом обществе.

“ Вот пункт, - писал он Марте, - где Милля не сочтешь человечным... Поистине это мертворожденная идея – погрузить женщину в борьбу за существование также, как мужчину. Если бы я, например, представил мою нежную милую девушку борцом-конкурентом, это лишь заставило бы меня повторить сказанное ей семнадцать месяцев тому назад, когда я признался, что влюблен в нее, и прошу ее оставить эту борьбу ради тихой деятельности в моем доме, где нет конкуренции... Я думаю, что все реформы законов и системы образования потерпят поражение перед лицом факта, что задолго до того времени, как мужчина должен был начать борьбу за достижение положения в обществе, природа уже предопределила судьбу женщины, наделив ее красотой, очарованием и нежностью. Закон и обычай должны вернуть женщине многое из того, что она у нее отняли, роль ее наверняка останется неизменной: очаровательная возлюбленная в юности, любимая жена в зрелые годы”./ 142, 23-24./

Фромм прав, говоря о том, что установка ставить женщину в подчиненное положение в обществе, абсолютно разделяемая Фрейдом, нашла зеркальное отражение в его теоретических установках – смотреть на женщин как на кастрированных мужчин, лишенных собственной сексуальности, исполненных ревности к мужчинам, обладающих слаборазвитым “Сверх-Я”, пустых и ненадежных. Эти взгляды Фрейда не изменились и через пятьдесят лет. В одном из своих выступлений он критиковал американскую культуру за ее “матриархальный” характер. Слушавший его доктор спросил Фрейда: “Разве вы не думаете, что равенство партнеров было бы наилучшим вариантом?” На это Фрейд ответил: “ Это

практически невозможно. НЕРАВЕНСТВО ДОЛЖНО СУЩЕСТВОВАТЬ, а верховенство мужчины – это меньшее из двух зол”. / 142, 25. Выделено мной Л.П./

У Фрейда все было, как у многих мужчин. Когда был период активного ухаживания за Мартой, были страстные объяснения, ревнивая лесть, было распускание павлиньих перьев, демонстрация мужских достоинств, чтобы завоевать избранницу. После обретения печати замужества жене очень быстро была оставлена лишь одна функция – быть любящей матерью и женой, на заботы и любовь которой могли бы полагаться и дети, и супруг.

Биографы отмечают, что, видимо, в любовной жизни Фрейд была единственная женщина. Женился он, когда ему уже был 31 год. Эротическая страсть к жене прошла очень быстро. А в сорок один год 21 октября 1897г. он уже написал другу Флису: “ Сексуальное возбуждения для лиц, вроде меня, более не нужно”. Он был убежден, что “ три, четыре, пять лет супружества перестают приносить обещанное им удовлетворение сексуальных потребностей, ибо все имеющиеся в наличии контрацептивы уменьшают радости сексуальной жизни, препятствуют восприимчивости обоих партнеров или даже служат прямой причиной заболевания”. Ссылкой на контрацептивы Фрейд, видимо, пытался объяснить свою подавленную /заторможенную/ сексуальность, страдал от нее и проецировал на свои теоретические построения. Фромм замечает, что Фрейд не первый и не последний. Многие мыслители писали о том, что у них отсутствовало, чего они стремились достичь для себя – или для других. / 142, 32-33./

Но сексуальные влечения хоть и являются составляющей человеческой любви, но лишь одной из трех. В любви, кроме влечений тела, есть влечение ума и влечение сердца. Любовь как социальное чувство человека слишком сложный феномен, чтобы отождествить его лишь с сексуальным инстинктом. Знакомство с жизнью Фрейда по известным биографиям не приводит к выводу о его большой любви к жене. В письмах к друзьям о жене он даже не упоминает. Он пишет о делах, открытиях, своих пациентах, успехах, разочарованиях. Самому близкому из друзей он часто описывает свои депрессивные состояния, пустоту своей жизни, которая для него полна смысла и приносит удовлетворение лишь при успешности работы. Отношения с женой вообще не упоминаются как источник счастья.

Фромм вслед за Джонсом подробно описывает, как Фрейд проводил время дома или во время отпусков. Стоит пересказать это описание поподробнее. Работал Фрейд очень много. Напряженность трудового дня, конечно, вызывает восхищение. Он на протяжении недели принимал пациентов с восьми утра до часу дня. Затем полдник, небольшая прогулка в одиночестве. И снова работа до девяти-десяти часов вечера. После работы небольшая прогулка с женой, ее сестрой или дочерью. Обеды не были временем дружеского общения. Фрейд, как уже говорилось, был страстным коллекционером. Так вот, в обед он приносил приобретенную небольшую статуэтку и ставил перед собой, как собеседника. Затем статуэтка возвращалась на рабочий стол, а через пару дней она снова оказывалась на обеденном. По воскресеньям Фрейд утром отправлялся к матери, чтобы поздороваться с ней и пригласить ее на обед. Днем приходили его друзья и коллеги-психоаналитики, к обеду – мать и ее сестры. Его жену тоже навещали ее друзья, но они мало его интересовали. Он спускался к ним в гостиную на несколько минут только тогда, когда кто-нибудь из них вызывал у него интерес. Фромм обращает внимание на то, как Фрейд во время отпуска любил путешествовать, но не в одиночестве. Но крайне редко он использовал отпускное время, чтобы побыть вместе с женой. А за границу путешествовать он отправлялся с друзьями, но только не с женой. Нет оснований не соглашаться с Фроммом, что Фрейд “вообще мало любил людей, даже в том случае, когда никаких эротических компонентов не было”. “Сильного опыта любви Фрейду просто не было дано. Его теоретические взгляды лишь подтверждают это”. /142, 34/

Директор научно-практического Центра Института социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии наук Н.Е. Маркова в своей книге “Культуринтервенция” имеет свое мнение на возникновение пансексуализма: “Возникновением психоанализа человечество обязано драматической любви и бедности малоизвестного ученого-стажера. Мать невесты поставила условием брака обеспечение благосостояния будущей семьи. При полном сексуальном воздержании помолвка длилась четыре года. “...Я расскажу тебе, как тосковал и страдал без тебя. Страдал так сильно, что даже не могу окончательно поверить, что ты будешь рядом со мной всегда”, - писал Фрейд возлюбленной.

Подавление любого базового инстинкта ощущается человеком как мучительное физическое страдание. Именно эта изнурительная борьба, в конечном итоге, подтолкнула ученого к открытию либидо и сублимации. В продолжение всей жизни Фрейд остался сосредоточенным на сексуальной подоплеке явлений. Так человек, переживший сильный голод, всегда держит избыточный запас продовольствия.” / 74, 22./

Резкой критике и сейчас подвергается фрейдовский пансексуализм. Автор первого серьезного отечественного исследования по общим вопросам сексологии психолог Игорь Кон, ссылаясь на известного американского психиатра Роберта Столлера, пишет, что определение Фрейдом понятия “половой” очень многозначительно. В одной работе оно включает в себя биологические свойства, дифференцирующие организмы на мужские и женские, в другой – под либидо понимается инстинкт продолжения жизни, иногда – лишь чувственные переживания, связанные с получением удовольствия. Это и репродуктивное поведение, направленное на продолжение рода, и инстинктивные эротические ощущения в разных частях тела, сопровождаемые фантазиями. Если “либидо” Фрейда расширительно обозначало единый эмоциональный мир индивида, тогда утверждение о либидозном характере всех человеческих привязанностей и поведения – простая тавтология. Если вкладывать в этот термин более узкий смысл, лишь эротические устремления, генитальные наслаждения, с помощью которых пытаются объяснить все богатство человеческих отношений, то такая позиция, в свете современных знаний о структуре личности и ее мотивационной системе, не выдерживает критики. Хотя еще в 1914г. русский философ Николай Бердяев писал в работе “Философия свободы. Смысл творчества”: “Но склонность школы Фрейда объяснять все, вплоть до религиозной жизни, неосознанной сексуальностью принимает формы МАНИАКАЛЬНОЙ идеи, характерной для психиатров. Ведь и этот пансексуализм может быть объяснен неосознанной сексуальностью его создателей, если применить тот метод сыска и вмешательства в интимную жизнь, который допускает метод Фрейда. Натяжки Фрейда в объяснение типа Леонардо или объяснение основ доходят до КОМИЧЕСКОГО.” / 50, 562-563. Выделено мной – Л.П./

Не принимает современная наука и фрейдовскую концепцию женской сексуальности. 3. Фрейд считал наблюдаемые половые

различия, включая мужскую гегемонию, следствием универсального биологического закона. Сегодня же спор о том, какой пол является высшим, считается таким же бессмысленным, как и спор о высших и низших расах.

И. Кон отмечает в своей книге “Введение в сексологию”, что коренным образом ныне пересмотрена фрейдовская концепция детской сексуальности. Идея универсальности эдипова комплекса была уже в 20х годах поставлена под сомнение английским этнографом и социологом Брониславом Малиновским, а сегодня и вовсе ОТБРОШЕНА этнографами. Не выдержала эмпирической проверки и фрейдовская теория идентификации. Психологи считают, что, хотя для мальчика и важна идентификация с каким-то мужским образом, но это совсем не обязательно должен быть отец. Опровергнуто и мнение Фрейда о том, что психологическое различие между мальчиком и девочкой появляется лишь в 5-6 лет, не подтверждается существование “латентного периода”.

“Осознание этих и многих других слабостей теории З. Фрейда привело к тому, что психоанализ постепенно, начиная с 60х годов, утратил ведущее место в зарубежной сексологии /в СССР он таковое никогда не занимал/. С одной стороны, его критикуют представители биологических наук. С другой стороны, современная сексология придает значительно большее значение социально-культурным факторам психосексуального развития. Это характерно даже для ученых, которые сами были воспитаны на психоанализе / Эрик Эриксон, Гарри Салливен, Роберт Столлер, Леон Солнцмен и др./.. Отдавая должное З. Фрейду, они далеко отходят от его общих установок. Характерно, что наиболее серьезные авторитетные общие курсы и теоретические труды по сексологии, вышедшие в последние годы на Западе, написаны с НЕФРЕЙДИСТСКИХ или даже АНТИФРЕЙДИСТСКИХ позиций, хотя никто не отрицает большого вклада в науку и интуиции З. Фрейда” / 50, 22. Выделено мной – Л.П./

На какой же философской основе построен психоанализ – рационалистической или иррационалистической? Эта основа противоречива, как и все в учении Фрейда. С одной стороны, Фрейд сам называет себя рационалистом, даже крайним рационалистом. Он пишет в работе “Будущее одной иллюзии” в 1927г.: “ Наш бог – логос... В конечном счете, ничто не может противостоять разуму и опыту... Мы верим в то, что наука в труде и исканиях способна узнать многое о реальности мира, благодаря

чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь” / 129, 140-141./ “У разума нет вышестоящей инстанции”, - писал он. / 129, 116./

Но сто раз прав Стефан Цвейг, что “Фрейд впадает в трагический разлад с самим собой”, имманентно присутствует “какое-то тайное противоречие в системе психоанализа”. С одной стороны, он убежден, что только с помощью разума, знаний можно помочь душевно страдающему вернуться к самому себе, подлинному. С другой стороны, он провозгласил раз и навсегда примат бессознательного в психике человека, господство иррационального над рациональным. “Мы можем без конца подчеркивать, что человеческий разум бессилён в сравнении с влечениями человека, и это верно. Но в этой слабости есть одна особенность: голос разума не громкий, но он не умолкает до тех пор, пока его не услышат. В конце концов, после бесчисленных и повторных протестов он добивается своего. Вот один из немногих фактов, позволяющих оптимистически смотреть на будущее человечества... Конечно, примат интеллекта лежит ещё в далеком будущем, но, по всей видимости, все-таки не бесконечно далеко. / 36, 20. /

Известный российский философ А.Ф. Лосев, признававший Фрейда мировой величиной, считал все-таки, что “фрейдистское взывание к темным, ночным, половым и совершенно алогичным стихиям в человеке, - это объяснение всего разумного, морального и светлого, всего прогрессивного и культурного исключительно одними подсознательными и сексуальными безднами не свидетельствует ли об утрате всякой веры в человека и в его цивилизацию, не погружает ли нас в царство звериных инстинктов, возвращая нас в доморальное первобытное состояние?”. / 145, 335-336/

Иррационалистическая направленность всего учения Фрейда имеет конкретно-историческое объяснение. Прав исследователь проблемы идеологической и политической функций современной западной психологии С.К. Рощин, обращая внимание на социально-экономическую ситуацию в Западной Европе в конце 19 – начале 20 века. Капиталистические отношения в этот период трансформировались в империалистические. Резко обострились все противоречия – экономические, политические, социальные. Ухудшилось не только положение трудового народа, но стало неустойчивым и положение средней и мелкой буржуазии. Первая

мировая война своими последствиями перепутала все представления Фрейда о войне и ее предназначении. Фрейд был не одинок. Интеллигенция не способна была понять логику и закономерности происходящих событий, она в силу своей классовой ограниченности, не могла проникнуть в суть происходящего.

“Наступила эпоха империализма, - написал М.Г. Ярошевский в “Истории психологии” в 1976г., - резко обострившая все социальные противоречия. В философии стали доминировать иррационализм, мистика, учение о том, что перед голосом инстинктов бессилён ничтожный голос сознания. Нестабильность экономической и политической жизни породила в мелкобуржуазной среде чувства беспокойства, подавленности, неуверенности в будущем. В этой атмосфере и складывалась система взглядов Фрейда на строение и динамику психической деятельности”. / 152 /

Социальная философия.

Последние два десятилетия своей жизни Фрейд посвятил глобальным философским проблемам бытия. Он занялся социальной философией, попытался создать концепцию человеческой цивилизации, получившую название ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ.

Концепция культуры придала учению Фрейда законченность, дала дополнительные аргументы оппонентам для квалификации этого учения как пансексуализма. Идея Фрейда о сексуальной детерминанте, как определяющей поведение индивида, была использована им для объяснения человеческой культуры вообще.

С 20х годов, сосредоточив свое внимание на социокультурных проблемах общества, он написал несколько работ. В 1921г. - "Психология масс и анализ человеческого Я", в 1927г. - "Будущее одной иллюзии", в 1928г. - "Достоевский и отцеубийство", в 1930г. - "Неудовлетворенность культурой", "Цивилизация и ее болезни", в 1933г. - "Отчего война?".

Попытка психоаналитического исследования культуры была закономерной для Фрейда, ученого интеллигента, потрясенного трагическими событиями начала 20 века, пытающегося понять сущность происходящих в обществе перемен. Создание им концепции человеческой цивилизации было заранее обречено на неудачу, ибо он использовал психологический инструментарий для решения социологических задач. И дело не только в том, что социальные двери он пытался открыть ключами от других дверей. Объективным препятствием стала подмена научной методологии мифотворчеством, фантастической интерпретацией социальных и исторических явлений. Что тоже - не случайно. Врач Фрейд знал больных, он всю жизнь занимался невротиками, но не знал здорового общества, не изучал его законов, смутно представлял его социальную структуру, его не интересовали истинные пружины его развития. Социология не была областью его интересов.

Культуру Фрейд понимал, с одной стороны, традиционно: "С одной стороны, она охватывает все приобретенные людьми знания и умения, дающие им возможность овладеть силами природы и получить от нее материальные блага для удовлетворения человеческих потребностей; с другой стороны, в нее входят все те установления, которые необходимы для упорядочения отношений людей между собой, а особенно для распределения материальных

благ”. /136, 482/. В работе “Неудовлетворенность культурой” он соглашается, что в течение последних поколений люди добились невиданного прогресса в естественных науках и в их техническом использовании, их власть над природой достигла ранее непредставимого уровня.

С другой стороны, трудно не согласиться с исследователем социальной философии З. Фрейда Р.Ф. Додельцевым, что психологический подход привел Фрейда к неверному пониманию сущности культуры. Еще в XVIII веке немецкий философ Гегель утверждал, что “истинное бытие человека... есть его действие”. А современник Фрейда Фридрих Энгельс еще точнее конкретизировал это действие: “Человека человеком сделал труд”. Фрейд же помещает труд “по ту сторону” естества человека. Объявляет его чуждой, навязываемой человеку силой. Более того, Фрейд считал, что люди ленивы, что они “по природе своей не любят работы”.

Какая-то доля истины в рассуждениях Фрейда есть. Фрейд отождествлял человечество с частнособственническим капиталистическим обществом, в котором жил. Ни суть, ни законы его Фрейд не изучал. А этому обществу имманентно присуще антагонистическое противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения, обостряющееся больше или меньше в зависимости от исторического этапа. Фрейд не знал другого общества. А капитализм, по определению, отчуждает производителя материальных, да и духовных ценностей то же, от результатов своего труда. И это, естественно, снижает заинтересованность людей в совершенствовании труда, в его эффективности. Работают одни, присваивают – другие. Историки говорят о том, что в период рабовладения такая заинтересованность рабов в результатах своего труда была вообще минимальная, и потому об эффективности их труда не было и речи.

Но в XIX веке рабочий уже не был “говорящим орудием”, как это было с рабами в античном мире. Во-первых, объективное противоречие между потребностями человечества и возможностью их удовлетворения вынуждало общество развивать науку, совершенствовать орудия труда и технологию производства. Во-вторых, более совершенное производство требовало более квалифицированного работника, что и повышало стоимость такого специфического товара, которым была рабочая сила. И это

повышало заинтересованность работника в количестве и качестве его труда.

В этом веке народными массами, которые, как он считал, “не любят работы”, были созданы грандиозные производительные силы. Об этом прекрасно было написано в 1848г. двумя великими немцами Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в “Манифесте коммунистической партии”: “Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароморепходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, - какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА!” /75, 429/ Могли ли такие революционные преобразования в обществе осуществить ленивые?

Фрейд все свое пристальное внимание сосредоточил на “поддоне” индивидуальной психики человека, больного-невротика, а потому его непрофессиональный “выход” в социум был вот таким, как этот вывод, ошибочным и непродуктивным.

Тем более этот вывод не соответствовал действительности, касающейся первого в мире рабоче-крестьянского государства. Энтузиазм, ставших свободными, рабочих и крестьян, их трудовые подвиги после Великой Октябрьской социалистической революции в России, масштабы социальных преобразований в стране поражали многих, и ее врагов и друзей. Известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер в своей правдивой книге “Москва. 1937.” написал: “Народ, который еще 20 лет тому назад задыхался в нищете, грязи и невежестве, является в настоящее время обладателем высокоразвитой промышленности, рационального сельского хозяйства, громадного количества новоотстроенных или до основания перестроенных городов и, кроме того, полностью ликвидировал свою безграмотность. Возможно ли, чтобы ленивые по природе люди могли выполнить такую работу?”

Парадоксально, что Фрейд на многих страницах статьи “Леонардо да Винчи. Воспоминание детства” мог самым тщательным образом разбирать в каких мифах древних народов, какой смысл вложен в изображение коршуна, но совершенно не знал современного ему общества, ни в своей стране, ни за рубежом.

Отдавая должное культуре в деле защиты человека от противостоящих ему природных сил, Фрейд, однако был убежден, что она налагает на человека такое количество ограничений, что он неизбежно становится невротиком, и, если бы снять эти ограничения, или хотя бы значительно уменьшить их, вернулись бы к людям утраченные возможности достижения счастья.

Фрейд считал, что каждый отдельный человек является врагом культуры, причем не конкретной ее исторической формы, а всякой культуры вообще, как, впрочем, и сама культура враждебна по отношению к личности. Антагонизм между ними имеет глубинные корни.

С одной стороны, цель культуры – защитить человека от стихийных сил природы и упорядочить человеческие отношения.

С другой стороны, культура, пытаясь объединить людей, незамедлительно вступает в противоречие с индивидуальными внутренними влечениями человека, прежде всего сексуальными, ибо они замыкают человека в узких рамках пары или семьи, и тратят слишком много психической энергии, необходимой культуре, обществу для ее собственных целей – общезначимых. Всякая культура, поэтому вынуждена строиться на принуждении и запрете влечений. В книге “Будущее одной иллюзии” Фрейд сомневался: “Нельзя даже с уверенностью утверждать, что при отсутствии принуждения большинство человеческих индивидов будет согласно взять на себя ту работу, которая необходима для приобретения новых материальных благ. Надо, как мне думается, считаться с тем фактом, что у всех людей имеются разрушительные, следовательно, противообщественные и антикультурные, тенденции и что у большого количества людей они достаточно сильны, чтобы определить их поведение в человеческом обществе”. / 23, 483. /

Таким образом, главная задача культуры все-таки, не созидательная – покорение природы ради получения средств к жизни, считал Фрейд, а РЕПРЕССИВНАЯ, направленная на обуздание бушующих внутри человека страстей. Тем более что в последние годы Фрейд “открыл” амбивалентность чувств – рядом с Эросом, инстинктом любви, соседствует Тонатос – влечение к смерти, инстинкт разрушения, агрессии. Именно поэтому “как нельзя отказаться от принуждения, так нельзя отказаться и от власти меньшинства над большинством, ибо масса ленива и несознательна, она не любит отказа от инстинктов, а

доказательствами ее нельзя убедить в неизбежности этого отказа, и ее индивиды поддерживают друг друга в поощрении собственной разнузданности”. / там же/

Фрейд приписал инстинкту жизни /Эросу/ роль силы, которая не только противостоит Тонатосу, но, объединяясь с ним, дает выход агрессивным внутренним тенденциям человека, превращая их в разрушительные побудительные силы. В работе “Цивилизация и ее болезни” он отмечал: “Цивилизация – это процесс, используемый Эросом, цель которого в том, чтобы объединить разрозненных индивидов, потом их семьи, затем расы, народы, нации в одно великое единство, единство человечества... Но естественный инстинкт агрессивности человека, вражда каждого против всех препятствует осуществлению программы цивилизации... Борьба между Эросом и смертью, между инстинктом жизни и разрушения – это то, из чего по существу состоит жизнь, и эволюция цивилизации может быть поэтому описана как борьба за жизнь человеческого рода”. / 101, 87-88/

Но инстинкт агрессивности, как и сексуальные влечения человека, встречают постоянное сопротивление со стороны общества, и человек вынужден контролировать их, что ведет к возникновению невротических симптомов. Вытеснение агрессивности порождает неосознанное чувство вины, которое находит свое выражение в состоянии беспокойства, тревожности, недовольства, несчастности, и является наиболее важной проблемой эволюции культуры. Таким образом, по Фрейду, цена прогресса и цивилизации оплачивается потерей счастья через усиление чувства вины. Как он писал, цель его деятельности заключается в том, чтобы “трансформировать отчаяние невротика в общее чувство несчастности, которое является обычным для человечества”. / 101, 67/

Нельзя не заметить, что такую же социально-психологическую ситуацию диаметрально противоположно описывает и, главное, оценивает, “диссидент”- психоаналитик Эрих Фромм. Он считал, что человек, который умеет подавить свои инстинкты, вопреки им сделать добро для другого, отдать ему свои ценности, материальные или духовные, становится счастливее, испытывает громадное чувство удовлетворения, потому что становится богаче, становится сильнее духом, испытывает громадное чувство удовлетворения оттого, что сумел подняться над своим

эгоистическим “Я”, сумел отдать, а значит стать выше, стать человечнее, преодолеть отчуждение от самого себя, как человека.

Концепция Эриха Фромма о двух жизненных ориентациях человека “иметь” и “быть”, видение смысла жизни человека в установке на развитие сущностных сил человека, а не на приобретение и накопление вещей – не просто шаг вперед в понимании взаимосвязи человека и культуры. Это прорыв одного из самых слабых звеньев психоаналитической концепции Фрейда, биологизирующей человека, игнорирующей его социальную сущность.

Итак, по Фрейду, между обществом и индивидом – отношения антагонистические. Что хочет личность, то запрещает общество. А хотения личности Фрейд почему-то ограничил лишь животными инстинктами, в основном сексуальными. Как будто в мотивационной системе поведения и деятельности личности нет духовных потребностей. Познание мира, социума и самого себя, общение с себе подобными, совершенствование своего внутреннего мира и преобразование природы, передача знаний и опыта детям и другим людям, защита и развитие духовных и материальных ценностей, созданных предыдущими поколениями, разве не эти высшие потребности и их реализация делают человека человеком? Как будто человек, прежде чем действовать, не ставит перед собой цели, задачи, не составляет программы, проекты, планы деятельности.

Индивид и общество, конечно, противоположности. Отношения между ними противоречивые. Понимание этого стало общим местом в психологии. У индивида свой взгляд на мир, свои потребности и интересы, своеобразные вкусы и неповторимые пристрастия, те или иные моральные принципы и убеждения. Но неповторимость и своеобразие человека - лишь индивидуальная форма его социально обусловленного духовного мира.

Рожденный человеком, становится человеком лишь в обществе. В процессе жизни происходит его социализация. С момента рождения человек начинает “присваивать” сложившиеся до него нормы и правила поведения, традиции и обычаи, усваивает знания и опыт отцов. Он объективно включается в систему сложившихся общественных отношений - экономических, политических, нравственных, эстетических, религиозных, социально-психологических, семейно-брачных. В этом смысле именно общество делает человека человеком. Оно его формирует.

Любой человек, осознает он это или нет, дитя своего общества. Наука имеет достаточно фактов, свидетельствующих о том, что “выпадение” из общества исключает развитие человеческих потенций, заложенных природой в человеческом детеныше. Так что своей подлинно человеческой жизнью человек обязан именно обществу, сложившейся в нем культуре.

Но не только общество творит человеческую личность, но и индивид творит общество. Он активно деятельностное существо. Человекообразующими признаками является не только разум и язык, но и умение изготавливать орудия труда и с их помощью преобразовывать природу, производить то, что удовлетворяло бы растущие человеческие потребности. В процессе труда человек преобразует не только природу, но и самого себя. Происходит процесс очеловечивание и окружающей среды, и самого себя. Самого себя и социальных отношений, которые оформляют человеческую деятельность во всех ее формах. Благодаря опережающему характеру сознания человек мыслью забегает далеко вперед, делает невероятные открытия, моделирует и конструирует желаемое будущее. Передовые идеи, рожденные великими личностями, которые видят дальше других, чувствуют глубже других, рано или поздно овладевают умами многих, становятся достоянием масс. Не случайно, Карл Маркс в “Экономическо-философских рукописях 1844 года” писал: “Прежде всего, следует избегать того, чтобы снова противопоставлять “общество”, как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо*”.

Диалектическая взаимосвязь человека и общества свидетельствует как раз о гармонии между ними, а не об антагонизме. Будь по-другому, общество не могло бы существовать.

Фрейд считал, что репрессивную функцию культура просто обязана выполнять, так как толпы, организованные в массы – “косны и недальновидны”. Созидают только под плеткой. Нет плетки – нет созидания. Чтобы было созидание, нужна жесткая власть меньшинства над большинством.

Понять барские рассуждения Фрейда не сложно. Он был представителем класса буржуазии, интересы этого класса наложили отпечаток на все его социально-философские рассуждения. Они, естественно, были ограничены этими интересами. Вопрос о том, почему в XIX веке массы были косны,

необразованны, недалёковидны, его не волновал. Ему самому, окончившему университет, чтобы не выпасть из своего классового круга, пришлось в свое время даже отказаться от научной работы, чтобы врачебной практикой зарабатывать /и хорошо зарабатывать/ на сексуальных проблемах страдающих. Что же говорить о простых людях. Им приходилось тяжелейшим трудом зарабатывать себе на жизнь, в таких условиях не было возможности учиться, осваивать мировые духовные ценности.

Много десятилетий прошло со времени создания Фрейдом его учения, а положение у большей части населения планеты не перестало быть плачевным. По данным Организации Объединенных Наций из 6 миллиардов живущих на Земле более 1 млрд. живут за чертой бедности, около 2 млрд. питаются плохо или голодают. 20 млн. ежегодно умирают от голода. Около 1 млрд. – безработные, не имеющие возможности добыть средства к существованию. Нравственно ли говорить о безграмотности, низкой культуре этих людей с уничижительной интонацией? Не справедливее ли интеллигенции возвысить свой голос протеста против вопиющей несправедливости на планете, когда создающие материальный фундамент общества влачат жалкое существование, а всего один “золотой миллиард” населения год от года жиреет, нещадно эксплуатируя трудящихся, живя за счет их труда.

По Фрейду, все влечения человека носят антисоциальный характер, и, культура призвана дать человеку для них законные выходы. Одним из таких влечений является НАРЦИССИЗМ – психический принцип, выражающий склонность любить самого себя и включающий инстинкт самосохранения. Как метод “свободных ассоциаций”, применяемый психоаналитиком для диагностики и лечения невротика, стал самодостаточным для квалификации личности, так и психологические законы и принципы, даже частные факты клинической практики, стали для Фрейда методологической основой анализа истории и культуры общества. Игнорируя специфику социума, безосновательно экстраполируя нарциссизм индивидов / пациентов врачебного кабинета / на общественные отношения, Фрейд повел речь о ГРУППОВОМ НАРЦИССИЗМЕ. Он утверждал, что его социальная функция заключается в том, чтобы направить чувство агрессивности, естественно возникающее вместе с любовью к себе, на “чужие” группы, и, тем самым, защитить “свою” группу и обеспечить ей внутреннюю стабильность.

В 1921 году в работе “Психология масс и анализ человеческого “Я” Фрейд писал: “ Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга – южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирает португальца. То, что при больших различиях возникает трудно преодолимая апатия – галла к германцу, арийца к семиту, белого к цветному, нас перестало удивлять.

Когда вражда направляется против любимых лиц, мы называем это амбивалентностью чувств и, конечно, слишком рационалистически объясняем ее многочисленными поводами к конфликтам интересов, которые создаются именно при столь интимных отношениях. В неприкрыто проявляющихся отталкиваниях и антипатиях к близким мы узнаем выражение себялюбия, нарциссизма, добивающегося своей самостоятельности и ведущего себя так, будто случай отклонения от его индивидуальных форм уже есть критика последних и включает вызов их преобразовать. Почему столь велика чувствительность именно к этим подробностям дифференциации, мы не знаем; несомненно, однако, что в этом поведении людей проявляется готовность к ненависти, агрессивность, происхождение которой неизвестно и которой хотелось бы приписать примитивный характер”. / 130, 447./

В уже упоминаемой работе “ Цивилизация и ее болезни” Фрейд еще более определенно утверждал, что социальная функция группового нарциссизма заключается в том, чтобы направлять чувство агрессивности на “чужие” группы и тем самым обеспечивать внутреннюю стабильность той или иной общности.

Хорошо, якобы, иллюстрирует механизм группового нарциссизма, АНТИСЕМИТИЗМ в обществе. “ Рассеянный повсюду еврейский народ, - писал Фрейд, - оказал таким способом, достойные признания, услуги культурам своих гостеприимных хозяев; но, к сожалению, всех средневековых погромов не хватило, чтобы сделать эту эпоху более мирной и надежной для христианских сограждан евреев”. /36, 54-55/ Эти слова были произнесены Фрейдом за десять с небольшим лет до массового истребления евреев нацистами в годы второй мировой войны и вроде бы гитлеровский фашизм подтвердил правоту Фрейда.

Но еврейский нацизм, который в точности повторяет гитлеровский, но уже в конце XX и начале XXI века опровергает постулат Фрейда. Парадокс истории. Еще не стихла полемика о

холокосте евреев в годы Второй мировой войны, а впору начать описание холокоста арабов, осуществляемого израильскими евреями сегодня.

Еще при жизни Фрейда в 1897г. Теодор Герцль на Всемирном сионистском конгрессе призвал евреев планеты собраться на земле обетованной богом в Палестине. В идеологии крупного еврейского КАПИТАЛА – сионизме было провозглашено тогда, и провозглашается теперь расовое превосходство еврейской нации над остальными, якобы, “неразвитыми” отсталыми народами. Эта расистская идея основывается на иудаистском мифе о богоизбранности еврейского народа.

Призыв Теодора Герцля сполна реализовался благодаря еврейским капиталам банкиров миллиардеров Ротшильдов, Кунов, Лазаров, мечтающих о мировом ФИНАНСОВОМ господстве. Если в конце XIX века в Палестине проживало 800 тысяч арабов и только 24 тысячи евреев, то к 1948 году в страну приехало 452 тысячи иммигрантов-евреев со всей планеты. Сионизм, как идеология международной еврейской буржуазии, в борьбе за мировое ЭКОНОМИЧЕСКОЕ господство, преподносится евреям планеты, как общенациональная доктрина и реализуется в агрессивной политике Израиля на Ближнем Востоке. С момента принятия в 1947г. резолюции ООН № 181, провозгласившей образования еврейского государства Израиль, евреи до настоящего времени несут арабским народам лишь несчастья, страдания, смерть.

Израильские военизированные бандформирования, под предводительством будущих премьер министров Израиля Менахема Бегина и Ицхак Шарона через четыре месяца после принятия резолюции об образовании израильского государства в 1948 году напали на палестинское село Дейр – Ясин, расстреляли и вырезали 245 безоружных женщин, стариков и детей. Трупы свезли в каменоломню и сожгли. Дома взорвали. Такие же зверства были совершены и в других селениях. Спасаясь от зверств оккупантов, сотни тысяч людей вынуждены были покинуть свои жилища. Агрессивная захватническая политика совершалась не только против коренного палестинского народа, но и против соседних государств Сирии, Иордании, Египта. На знамени воинствующего сионизма было начертано: максимум территории и минимум жителей.

Во многих резолюциях ООН предусматривался вывод израильских войск из оккупированных территорий, возвращение беженцев, прекращения политики расизма и расовой дискриминации. Но Израиль не принял во внимание ни один международный документ. Более того, и сегодня большая часть евреев в Израиле “зомбирована” сионизмом. Она жирует на крови арабов, у нее отсутствует разум, аналитическое мышление, она не способна объективно оценивать происходящее, критически оценивать политику своих правителей. Доказательством тому являются события в Ливане, когда в лагерях Сабра и Шатила в 1982 году министр обороны Израиля Ариель Шарон устроил кровавую резню. На его руках кровь 6000 тысяч невинных людей, а евреи в 2002 году избирают его главой правительства, который, неизбежно, войдет в историю Израиля, как самый кровавый правитель. Не случайно Ариеля Шарона называют Гитлером сегодня.

На израильский государственный терроризм палестинцы отвечают разрозненными героическими подвигами смертников-одиночек, которые забрасывают камнями вооруженных до зубов израильских вояк, взрывают себя в местах скопления оккупантов. Они еще не имеют своей армии, но, как могут, борются против захватчиков и угнетателей. Они не террористы, не экстремисты, как их называет журналистская братия, служащая сытым за пачку зелененьких. Каждый из погибших – национальный герой, борец за свободу и независимость своей Родины. Психологам с их панбиологизмом и панпсихологизмом этого не понять.

Групповым нарциссизмом Фрейд объясняет и революционную борьбу в России. Но что знал Фрейд о России? Он жил за “железным” занавесом, воздвигнутым Западом между старой Европой и молодым Советским рабоче-крестьянским государством. Мировая буржуазия смертельно боялась “красной заразы”, она делала все, чтобы правда о Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года не стала примером борьбы трудового народа Западных стран за подлинную свободу и справедливость. Разве Фрейд знал, что дореволюционная Россия была слаборазвитой сельскохозяйственной страной, что по экономическим показателям она занимала одно из последних мест в Европе, что от голода, хронических эпидемий в стране гибли ежегодно десятки и сотни тысяч крестьян, а помещики вывозили хлеб за рубеж ради наживы. Ему не было ведомо, что в России 130

тысяч помещиков управляли 150 миллионами крестьян посредством насилия, издевательств, принуждая их к каторжному труду и полуголодному существованию.

Фрейд ничего не знал о России. Он не знал, что перед революцией в ней было 77% безграмотных людей. На огромной территории было около 20 тысяч врачей, но около 95 тысяч монахов и монахинь. Всего 91 высшее учебное заведение, но зато 78 тысяч церквей. Работало 177 театров, монастырей же было - 1025. Такой дикой страны, в которой бы был так ограблен народ в смысле образования, знаний, культуры, в Европе в начале века не было. Обездоленность простого народа, его бесправие, безграмотность, голод, разруха, болезни, бездарность царской власти, ее неспособность решить острые проблемы России – разве не это все привело к революции, единственно возможному способу освобождения народа от поработителей. Социологическая и политическая безграмотность Фрейда, его маниакальная, как верно сказал Н. Бердяев, одержимость сексуальной проблематикой и привела его к либидозному объяснению революции в России, не имеющему отношения к истине.

“Коммунисты считают, - писал Фрейд, - что они нашли путь к избавлению от зла. По их мнению человек безусловно добр, желает блага своему ближнему, но утверждение частной собственности испортило эту природу. Частное владение благами дает человеку власть и тем самым искушает его жестоко обращаться с ближними; лишенные собственности должны восставать и враждовать с угнетателями. Если отменить частную собственность, все блага сделать общими и позволить пользоваться всем людям, исчезнет всякая недоброжелательность и враждебность между людьми. Поскольку все потребности будут удовлетворены, ни у кого не будет оснований видеть в другом человеке врага; все добровольно будут выполнять необходимую работу. Я никак не хочу с позиций экономики критиковать коммунистическую систему, у меня нет возможности исследовать целесообразность и преимущества упразднения частной собственности. Однако могу оценить как беспочвенную иллюзию ее психологические предпосылки. С отменой частной собственности агрессивное стремление человека лишается одного из своих орудий, разумеется, сильного, но не самого важного. Этим ничего не меняется в различиях власти и влияния, которыми злоупотребляет в своих целях агрессивность, ничего не меняется и в ее сущности. Она возникла отнюдь не

благодаря собственности и господствовала почти неограниченно в первобытные времена, когда собственность была ничтожной; она обнаруживает себя уже в детской комнате, как только собственность утрачивает свою первоначальную анальную форму и образует основу всех нежных и любовных отношений между людьми, вероятно, за одним исключением – отношением матери к своему ребенку мужского пола. Если устранить личные права на вещественные блага, то все равно останутся преимущества в сексуальных отношениях, могущие стать источником сильнеешего недовольства и враждебности среди людей. Если путем полного освобождения сексуальной жизни уничтожить и эти преимущества, то есть отменить семью – основную ячейку культуры, то одно можно определенно ожидать, что неискоренимая черта человеческой природы последует за ней и далее”. / 135, 53-54./ Несчастное человечество! В каких черных тонах описывал его Фрейд. Как пессимистично он видел его будущее.

Антиисторизм Фрейда, его биологизация человека и психологизация человеческого общества сделали бессмысленным его многолетнюю работу по созданию концепции человеческой цивилизации. Ни в одном вопросе, сущности культуры, возникновения религии, проблемы агрессии и войн в обществе он не вышел за пределы МИФОТВОРЧЕСТВА. Похоже, Фрейд ни разу не поднял головы, не оторвал свой пытливый исследовательский взор от функциональной деятельности эротических органов, не обратился к социальной основе становления человека как человека. Он не смог понять, что нет человека вообще, как нет общества вообще, что путь объяснения поведения конкретных людей, исторических событий, социальных явлений, исходя из биологических инстинктов и влечений, коренящихся, якобы в природе человека, не только непродуктивен, но ошибочен в корне, и вреден. Он не поднялся до понимания необходимости конкретного анализа конкретного общества.

Рассуждая о судьбе человеческого рода, Фрейд пишет: “Удастся ли и в какой степени в ходе культурного развития справиться с помехами на пути совместного бытия, причины которых лежат во влечении человека к агрессии и к самоуничтожению. В этой связи именно настоящее время представляет, вероятно, особый интерес. Люди в овладении силами природы зашли теперь так далеко, что с их помощью им теперь легко истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они

это знают, отсюда в значительной степени их теперешнее беспокойство, их несчастья, их страх. И теперь следует ожидать, что вторая из двух “небесных сил”, вечный Эрос, сделает усилие, чтобы утвердить себя в борьбе с таким же бессмертным противником. Но кто может предвидеть, на чьей стороне окажется победа и каков будет исход”. / 144, 94/ И снова пессимизм.

Но если принять за объективную истину эту мифическую концепцию Фрейда, тогда человеку остается лишь опустить руки и склонить голову перед фатальной неизбежностью – своей агрессивной природой, враждебностью одних к другим, насилием, захватнической политикой, смириться с оккупацией родной земли врагами, терроризмом развитых стран по отношению к бедным.

Но, слава богу, анализ человеческой истории, непрекращающиеся за последнее столетие поиски путей решения проблемы войны и мира, дает основания для оптимизма в отношении будущего человечества.

С одной стороны, проблема войн стала уже глобальной. По некоторым подсчетам, за прошедшие 55 веков на Земле произошло 14,5 тысяч войн, в которых погибло 3,6 млрд. человек. За 50 с лишним послевоенных лет произошло 250 войн, 100 из которых специалисты относят к крупным военным конфликтам. Сотни миллиардов долларов на планете тратится на вооружение. В то же время, как было сказано выше, около 2 миллиардов нищенствуют. 20 миллионов ежегодно умирают от голода. Из 6 млрд. населения планеты лишь одна шестая относится к “золотому миллиарду”, который живет за счет агрессии, грабежа, эксплуатации большей части трудового народа планеты.

Опираясь на идеи немецкого философа Гегеля, прусский генерал и военный писатель Карл фон Клаузевиц / 1780 – 1831 / в своем произведении “О войне” писал: “Война есть только продолжение политики другими средствами”. /49, 54./ Но государственную политику, как и философ, он ошибочно понимает “как представительницу всех интересов общества”, тогда как в социально неоднородном антагонистическом обществе государственную политику проводит тот класс, который имеет экономическую власть, владеет национальными богатствами страны. Он же использует и военную силу для защиты своих интересов. В социальных конфликтах, войнах, классовых битвах ничего нельзя понять, если не разобраться, какие СОЦИАЛЬНЫЕ силы, с какими целями и в чьих ИНТЕРЕСАХ ведут войны.

Немецкий буржуазный экономист Макс Вебер писал о США, как о “warfare-state” – воюющем государстве /вместо “welfare-state” – государстве благоденствия/. И как точно, хотя написано почти сотню лет назад. Сегодня США стали одним из самых могущественных государств мира благодаря своей агрессивной политике насилия, шантажа, диктата. Идеология америкоцентризма, господствующая в стране почти 200 лет, сделала эту страну к XXI веку международным террористом. Прикрываясь придуманным мифом о “божественной миссии Америки”, США вначале отлавливали негров в далекой Африке, как скот, в трюмах морских судов перевозили через океан на американский континент, превращали в рабов. Их трудом жили и жирели. Сгоняли несчастных индейцев-аборигенов с их исконных земель и снова жирели. Десятки лет выкачивали из маленькой, но богатой Кубы никель, хром, вольфрам, марганцевую и медную руды. Богатели за счет сахарных кубинских плантаций. Американские империалисты всегда действовали с позиции силы: заговоры, убийства, напалм и ядерные бомбы. Во второй половине XX века американская военщина сбросила на многострадальную землю Кореи и Вьетнама, Ирака и Афганистана десятки миллионов тонн бомб и снарядов, что в несколько раз превысило взрывной потенциал всей Второй мировой войны. Миллионам жителей Кубы и Лаоса, Панамы и Камбоджи, Ливана и Гренады, Ливии и Ирака, Сомали и Сербии американцы принесли только кровь, страдания и разрушения.

Но это же определение американского империализма, как “warfare-state”, подходит, по мнению Макса Вебера, и к Римской империи. Он писал: “Античная культура – это культура рабов.... Только рабовладельцы могут удовлетворять свои потребности и повышать свой жизненный уровень за счет труда рабов. Только производство, осуществляемое рабами, было в состоянии, покрывая собственные нужды, производить добавочную продукцию для рынка... Война в древнем мире была одновременно охотой на рабов; она поставляла на рынок рабов товар и тем самым неслыханным образом способствовала использованию подневольного труда...” / 144, 97./

И дальше: “Античное производство с применением труда рабов пожирало людей так же, как современные доменные печи пожирают уголь. Рынок, где велась торговля рабами, и его регулярное и достаточное снабжение человеческим товаром

является неотъемлемой предпосылкой существования казармы рабов, выпускающей продукцию для рынка... Таким образом это производство зависит от регулярной доставки людей на рынок, где торгуют рабами”.

Скрупулезные исторические исследования Древнего мира, Средневековья, Нового и Новейшего времени привели многих мыслителей к выводу, что не “природа человека”, а природа **ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ** является причиной войн. Она же определяет и типы войн. Насилие, как и политика, возникло вместе с появлением классов и государства. Оно является неизбежным порождением эксплуататорского общества, коренным атрибутом его антагонистических общественных отношений. Выдающийся мыслитель Карл Маркс доказал, что именно материальное производство, основанное на частной собственности и эксплуатации, есть тот базис, который определяет характер политики и применение ею насильственных средств. “...Насилие, - писал Фридрих Энгельс в “Анти-Дюринге”, - есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода”.

Путем войн господствующие классы присваивают себе материальные богатства и производительные силы /средства труда и рабочую силу/. Рабовладельцы вели войны за рабов, феодалы – за присвоение земельных владений вместе с крепостными, капиталисты – с целью получения новых дешевых источников сырья, рынков сбыта, сфер вложения капитала. В условиях современной глобализации, восьмерка наиболее развитых западных стран, возглавляемых Соединенными Штатами, с помощью жесточайшей эксплуатации, экономической и финансовой экспансии превратила сотню государств планеты в свою неоконию. Государства-глобалисты в интересах “золотого миллиарда” не гнушаются под прикрытием псевдодемократической риторики военным путем навязывать народам планеты ненавистный им “мировой порядок”, насаждать марионеточные режимы, превращать государства мира в своих послушных вассалов.

В нашем страшном мире, где правят страны-хищники, а внутри них идет нещадная **ЭКСПЛУАТАЦИЯ** трудового народа, заслугой ученого стало бы не созерцание гениталий невротика, не экстраполяция клинических выводов на здоровое человеческое общество, не констатация психологических свойств человека в толпе и описание непривлекательных качеств миллионных масс

голодных и обездоленных планеты “Земля”. Давно пора от описательности и брезгливой констатации перейти к выяснению причин трагической ситуации и вопиющей несправедливости в человеческом сообществе, поиску таких общественных отношений, которые бы раз и навсегда покончили с неравенством, бедностью, нищетой, которые уничтожили бы антагонизм и несправедливость.

Изучение всемирной истории убедительно доказывает, что есть войны несправедливые и есть войны справедливые. Как войны агрессивные захватнические, так и гражданские войны - справедливая освободительная борьба эксплуатируемых и угнетенных, должны быть объяснены из конкретно-исторических условий, исходя из социальных законов, а не законов психологии, биологии и физиологии.

“До тех пор, пока существуют господствующие эксплуататорские классы, путем гонки вооружений и войн получающие максимальные прибыли / гонку вооружений и войн, в конечном счете, оплачивают массы, которые платят налоги/, пытающиеся сохранить массовую безработицу со всеми ее последствиями..., до тех пор в мире будут существовать, с одной стороны, угроза войны и сами войны, а с другой – борьба народов против агрессии и движение борцов за мир”. /144, 99/

Конечно, психоанализ имеет научно-историческое оправдание. Ибо, открыв область скопления в человеческой психике мощной мотивационной силы отрицательных эмоций, страданий, нереализованных, постоянно мучающих человека влечений, чувств безнадежности, вины, неполноценности, он пошел навстречу страдающему человеку, чтобы помочь ему. И помогал. Но возможности его не безграничны. Иногда это понимал и сам Фрейд.

Человеческая психика - это не только и не столько бессознательное. Она включает в себя знания и убеждения, идеалы и принципы, социальные чувства и волю. В этой области господствуют рассудок и разум. Объективна мысль Стефана Цвейга о том, что психоанализ не знает и ничего не хочет знать о коллективном смысле и философской миссии человечества. Он только бросает свет на индивидуальные душевные процессы, но не согревает душу человека. Думается, в немалой степени потому, что индивидуализация человека, даже с научными целями, в конечном счете, является неоправданной вивисекцией общества, как

целостного социального организма, где личность социальна, а общество – специфическая среда его обитания.

Именно в этом плане мы и говорим о мифологичности концепции культуры Фрейда, ибо культура не инородная среда для сексуально озабоченного невротика, а способ жизнедеятельности коллективного субъекта. И все разговоры о счастье, свободе, удовлетворенности жизни до тех пор будут абстрактно – бесплодными, пока не будут поставлены на конкретную почву реального общественного бытия, вне которого ни больного человека, ни здорового просто не существует. Именно жизненные условия и обстоятельства, конкретные взаимоотношения людей друг с другом, место и роль человека в общественной жизни, определяют, в конечном итоге, мироощущения и мировоззрения людей, их настроение и душевное состояние.

Асоциальность учения Фрейда, как уже говорилось выше, оттолкнула от него почти всех его талантливых единомышленников Эриха Фромма, Альфреда Адлера, Карла Юнга, Карэн Хорни. Не случайно бесплодность психологизаторства привела многих ученых на пороге XX века к социальному детерминизму, как теоретической и методологической концепции общественного развития. Именно она дала возможность вначале высвободить человека из биологизированного до предела прокрустового ложа фрейдовской метапсихологии, а затем разорвать также психологизированные оковы здорового реального социума. Насколько удалось неотрейдистам освободиться из плена пансексуализма, тема самостоятельной работы. Но попытка прорыва к специфике социума – уже несомненная их заслуга.

Таким образом, интерес многих психоаналитиков к учению Карла Маркса и рождение “фрейд-марксизма”, не случайны.

Материалистическое понимание истории, взгляд на развитие общества, как закономерный объективно-исторический процесс, объяснение культуры, социально-психологической, нравственной позиции людей, существующей в обществе, исходя из системы общественных отношений, и, прежде всего, социально-экономических, дало возможность на многие, поставленные Фрейдом, волнующие человечество, вопросы дать ответы, подтверждаемые жизнью.

Более того, один из авторитетнейших психологов нашего времени Эрих Фромм в своем актуальном произведении “Из плена иллюзий” утверждал, что многие из больших проблем

современности /душевное здоровье человека, его свобода, независимость и др./ Маркс решил более совершенно, чем Фрейд. Различие в их подходах к проблеме преодоления человеком, жизненных обстоятельств, отягощающих его, состоит в том, что, по Фрейду, человек может справиться или не справиться с внутренним дискомфортом только сам, тогда как “Маркс был первым мыслителем, осознавшим, что реализация универсального и полностью пробудившегося человека может произойти только вместе с общественными изменениями, которые приведут к созданию новой, подлинно человеческой экономической и социальной организации человечества”. / 140, 345/

Отдавая должное Фрейду, как “основателю подлинно научной психологии”, Фромм не мог признать двух этих мыслителей равновеликими. “Маркс – это фигура всемирно-исторического значения, с которой Фрейда нельзя сравнить. Даже если Вы вместе со мной глубоко сожалеете о том, что почти в третьей части земного шара проповедуется искаженный и деградировавший “марксизм”, это не уменьшает уникального исторического значения Маркса. Но и безотносительно к этому историческому факту я считаю Маркса мыслителем гораздо большей глубины и охвата, чем Фрейд. Марксу удалось соединить духовное наследие гуманизма эпохи просвещения и немецкого идеализма с экономической и социальной реальностью, и тем самым заложить основу новой науки о человеке и обществе, опирающейся на факты, проникнутой в то же время духом западной гуманистической традиции. И хотя большинство систем, претендующие на то, чтобы говорить от имени Маркса, отвергают дух гуманизма или искажают его, я верю..., что возрождение западного гуманизма вернет Марксу выдающееся место в истории человеческой мысли” /141, 474/

Научно-практическая ограниченность психоаналитического подхода к личности и несостоятельность психоанализа культуры подтверждается самой жизнью. В работе авторитетного немецкого психоаналитика Б. Беттельхейма “Просвещенное сердце” описаны все круги ада, пройденные миллионами узников фашистских концентрационных лагерей. Будучи сам узником, он наблюдал поведение различных людей в экстремальных условиях и убедился, что психоанализ не способен дать ключ к его объяснению. “В условиях, преобладавших в лагерях, оказалось невозможным рассматривать храбрые, ставящие под угрозу жизнь, поступки, с

позиции инстинкта смерти, агрессивности, обращенной против себя, проверки жизненности тела, мегаломаньячного отрицания опасности, актерского удовлетворения, нарциссизма или любой другой категории психоанализа... Способ, каким человек действовал в критический момент, нельзя было вывести из его внутренних скрытых мотивов. Ни его сны, героические или трусливые, ни свободные ассоциации или осознанные фантазии – ничто не позволили сделать точное предсказание относительно того, пойдет ли он в следующий момент на риск жизнью, чтобы защитить жизнь других, или же в панике предаст многих в тщетной попытке получить какую-то привилегию для себя”./21/

И для самого Беттельхейма знание психоанализа оказалось бесполезным. “Самое удивительное заключалось в том, - писал он, - что психоанализ, который я привык считать лучшим ключом ко всем человеческим проблемам, не помог мне найти решения вопроса о том, как вообще выжить в лагерях и как выжить, сохранив хотя бы некоторое достоинство”. Беттельхейм увидел, что поведение человека детерминируется не взаимоотношением “Я”, “Сверх-Я” и “Оно”, а той нравственной и политической позицией, которую занимает личность. Самыми жизнестойкими и способными на борьбу в невероятных условиях фашистских концлагерей оказались, по его свидетельству, прежде всего коммунисты. Их вера в свои идеалы, убежденность в правоте своего дела придавали им силы, оптимизм, надежду на жизнь и победу. В то же время люди, лишённые общественно-значимых идейных принципов и потому не имевшие морально-психологической внутренней опоры, подвергались быстро личностной дезинтеграции.

Последние годы жизни Зигмунда Фрейда были настолько трагичны, что вряд ли он мог оставить потомкам свои размышления в связи с тем, что жестокая реальность разрушила, на глазах его создателя, многолетнее философское построение человеческого жития, как карточный домик. В 1932 году известный физик Альберт Эйнштейн, восторгавшийся открытиями Фрейда, обратился к нему с предложением принять участие в борьбе против нарастающей коричневой чумы. В открытом письме Фрейд ответил, что война “...по-видимому, вполне естественная вещь”. И разъяснил далее Эйнштейну, что “агрессивный или разрушительный инстинкт действует в каждом существе и старается разрушить его и свести жизнь к его первоначальному

состоянию неодоушевленной материи”. Если агрессия – в биологической природе человека, то война есть лишь ее проявление. “Искоренение зла невозможно”. За Фрейдом позже повторил эту мысль психоаналитик А. Мичерлих: “Мы склоняемся к точке зрения, что агрессия относится к сущности человека, поэтому ее можно только смягчить.” / 144, 95/

Через год к власти в Германии пришел фашизм. Узнав об этом, Фрейд воскликнул: “Какого прогресса мы достигли! В средние века они сожгли бы меня, в наши дни они удовлетворились, что сожгли мои книги”. Но он ошибся, подняв так “высоко” новейшее время над средневековьем. Через несколько лет в печах Освенцима и Майданека сгорели миллионы евреев и людей многих других национальностей, и, если верить публикациям, сестры Фрейда. Его самого спасли от этой же участи лишь мировая известность, вмешательство президента США Рузвельта, большой выкуп Международного Союза психоаналитических обществ, личное письмо Муссолини Гитлеру, получившего в свое время книгу Фрейда с его дарственной надписью. Он уехал в Англию. Пережитое, мучительные физические страдания, не оставлявшие его после перенесенных операций, вынудили этого сильного духом человека уйти из жизни.

Ученый ушел. Но осталось его богатое, сложное, противоречивое психологическое и философское наследие, которое до сих пор не осмыслено до конца. И в обозримом будущем, думается, не предвидится его объективной оценки. И не потому, что недоступны его работы, ими завалены все книжные магазины. И не потому, что сложен логический ход его рассуждений и велик историко-мифологический материал, используемый в работах. Не столько потому, что гениальные психологические находки перемежаются с фантастическими вымыслами. Наиболее важная причина, по которой психоанализ, привлекая людей своей заманчивой знаковостью, продолжает оставаться *terra incognita* для многих и многих, несмотря на то, что известные специалисты в области фрейдизма, вроде Валерия Лейбина, публикуют фолиант за фолиантом о творчестве Зигмунда Фрейда, лежит глубже.

Причина, думается, в том, что созданная Фрейдом психоаналитическая концепция человеческого существования имеет определенный социальный смысл, хотя сам ученый никогда и не интересовался реальным социумом. Учение Фрейда выполняет функцию шлюза, по которому сильные мира сего умело

направляют лавину отрицательных эмоций, страданий и горя миллионов, правильнее миллиардов униженных и оскорбленных, ограбленных и обездоленных в нужное им русло. Они с помощью пансексуализма манипулируют общественным сознанием, предлагая людям ложный путь поиска причин глобальных проблем современности, предлагая им непродуктивные средства их решения. Гиперболизация Фрейдом биологического в психике человека, абсолютизация психологического в социальном мире человечества, **АСОЦИАЛЬНОСТЬ** и рафинированный **ПАНСЕКСУАЛИЗМ** не меньше приносит вреда людям, чем религия, которую он называл иллюзией, “неврозом общества”, с которой он так яростно боролся. Боролся против одной иллюзии, создал другую. Хотел помочь людям, нарисовать истинную картину глубинных причин человеческого бытия, а лишь увел от истины, предложив новую мифологию. Возможно, искренне хотел избавить человечество от страданий, а лишь навредил. Думал, что поднимет человека, высветив подпольные уголки его психики, а лишь унизил.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа. « Вопросы философии», 1991г., 4.
2. Автономова Н.С. Концепции бессознательного: гносеологический статус. «Философские науки», 1985г., 5.
3. Автономова Н.С. Фрейд в Европе и в России: парадоксы “второго пришествия”. // “Вопросы философии”, 2000г., 10.
4. Алейникова Т.В. Психоанализ: учебное пособие. Ростов н/Д. “Феникс”, 2000г.
5. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа. Познание и врачевание от древности и до наших дней. М., 1995г.
6. Алексеев П.В. Мировоззрение Зигмунда Фрейда. «Философские науки», 1990г., 1.
7. Бассин Ф.В. Сознание и “бессознательное”. М. 1962г.
8. Бассин Ф.В. Проблема “бессознательного” /о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности /. М. 1968г.
9. Бассин Ф.В. Сознание, “бессознательное” и болезнь. / О современном подходе к психосоматической проблеме. / // “Вопросы философии”, 1971г., 1.
10. Бассин Ф.В. Рожнов В., Рожнова М. Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений. “Коммунист”, 1972г., 2.
11. Бассин Ф.В. Ярошевский М.Г. Фрейд и проблемы психической регуляции поведения человека. Приложение. З.Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. «Наука», М.1990г.
12. Бассин Ф.В. Актуальность проблемы бессознательного на современном этапе развития психологических представлений. « Философские науки», 1990г., 3.
13. Бассин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. о проявлении активности бессознательного в художественном творчестве. // “Вопросы философии”, 1978г., 2.
14. Белкин А. Социальное самоубийство. Поможет ли Фрейд понять истоки нашей агрессивности. “Известия”, 1990г., 5 октября.
15. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М. 1989г.
16. Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М. 1989г.
17. Бердяев Н.А. Самопознание. М. 1991г.
18. Берн Э. Секс в человеческой любви. М. 1990г.
19. Бертран М. Бессознательное. // “Вопросы философии”, 1993г., 12.

20. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Под редакцией А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, А.Ф. Бассина. Материалы международного симпозиума. В 4х томах. Тбилиси. 1978г.
21. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце. // "Человек", 1992, 2, 3, 4.
22. Браун К.-Х. Критика фрейд-марксизма. М. 1984г.
23. Василев Кирилл. Любовь. "Прогресс", М. 1982г.
24. Волошинов В.Н. Фрейдизм. М. 1927г.
25. Воробьева Елизавета. Еще раз про "это". "Дуэль", 1999г., 14.
26. Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа. Ленинград. 1991г.
27. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1, М. 1982г.
28. Выготский Л.С. Искусство и психоанализ. // "Психология искусства", М. 1968г.
29. Выготский Л.С. Лурия Ал. Предисловие к русскому переводу работы "По ту сторону принципа удовольствия"// З. Фрейд. Психология бессознательного. М. 1989г.
30. Грюнбаум А. Теория Фрейда и философия науки. "Вопросы философии", 1991г., 4.
31. Губман Б.Л. Западная философия культуры 20 века. Тверь 1997г.
32. Джозеф Рейнольдс. Фрейдизм и неофрейдизм. "Проблемы мира и социализма", 1971г., 11.
33. Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М. 1997г.
34. Дитякин В. Леонардо да Винчи. М. 1959г.
35. Добренев В.И. Неофрейдизм в поисках "истины". М. 1974г.
36. Додельцев Р.Ф. Концепция культуры З. Фрейда. «Знание», 1989г.
37. Дубинин Н.П. Что такое человек? М. Мысль. 1983г.
38. Дубко Е.Л. Судьба морали в психоанализе. // "Философские науки", 1976г., 3.
39. Егорова И.В. Садизм и мазохизм: философско-психологическое обоснование. // "Философские науки", 1992г., 3.
40. Ермолаева Наталья. Вождь идиотов. "Дуэль", 2002г., 6.
41. Жмуров Виталий. Самоубийство или все-таки... убийство? "Восточно-сибирская правда", 1998г., 20 августа.
42. Западная психология. "Наука", М. 1980г.
43. Зейгарник Б.В. Психопатология. М. 1976г.
44. Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. Издательство Московского университета. 1982г.
45. Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М. 1994г.
46. Ионин Л. Укрощенная эротика. // "Человек", 1992г., 3.

47. Кантор В.К. Фрейд versus Достоевский. // “ Вопросы философии”, 2000г., 10.
48. Кельнер М.С., Тарасов К.Е. Фрейд-марксизм о человеке. «Мысль», М. 1989 г.
49. Клаузевиц. О войне. В 2х томах. М. 1936-1937гг.
50. Кон И.С. Введение в сексологию. М. 1989г.
51. Кон И.С. Психология старшеклассника. М. 1980г.
52. Кон И.С. Психология юношеской сексуальности. // “Советская педагогика”, 1976, 5.
53. Кондрашенко В.Т. Зигмунд Фрейд и психоанализ. // Зигмунд Фрейд. Психо-аналитические этюды. Минск. 2001г.
54. Корнеев М.Я. Ведический взгляд на психоанализ З. Фрейда и К.Г. Юнга. // История современной зарубежной философии. СПб. 1997г.
55. Краткий словарь психоаналитических терминов.// З. Фрейд. Психология бессознательного. М. 1989г.
56. Левчук Л.Т. Психоанализ: от бессознательного к усталости от сознания. Киев. 1989г.
57. Лейбин В. М. Психоанализ и философия неофрейдизма. М., Политиздат, 1977г.
58. Лейбин Валерий. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М. 1990г.
59. Лейбин Валерий. Чудо исцеления. // Стефан Цвейг. Врачевание и психика. М. 1992г.
60. Лейбин Валерий. История психоанализа в России. // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М. 1994г.
61. Лейбин В.М. Классический психоанализ: история, теория, практика. Москва – Воронеж. 2001г.
62. Лейбин В.М. Неофрейдистское видение проблемы самореализации сущностных сил человека. // “Философские науки”, 1978г., 5.
63. Лебон Густав. Психология народов и масс. СПб.1995г.
64. Лекторский В.А. О некоторых философских уроках З. Фрейда. // “Вопросы философии”, 2000г., № 10.
65. Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд. Полн. Собр. Соч. т.49. М. 1978г.
66. Ленин В.И. Письмо Г. Мясникову. Полн. Собр. Соч. т. 44. М. 1982г.
67. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. 1977г.
68. Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. М. 1990г.

69. Лосев А.Ф. Гибель буржуазной культуры и ее философия. Послесловие. // Артур Хюбшер. Мыслители нашего времени. М. 1962г.
70. Ляликов Д.Н. Фрейд. Фрейдизм. //Философская энциклопедия. В пяти томах. М. 1970г, т. 5.
71. Ляликов Д.Н. Психоанализ. // Философская энциклопедия. М. 1967, т. 4.
72. Ляликов Д.Н. Неофрейдизм. // Там же.
73. Макаренко А.С. Книга для родителей. // Сочинения в 7 томах. М. 1957г. т. 4.
74. Маркова Н.Е. Культуринтервенция. Иркутск. 2003г.
75. Маркс К., Энгельс Ф.Манифест коммунистической партии.// Сочинения. Т. 4, Москва, 1955г.
76. Марцинковская Т.Д. Ярошевский М.Г. 50 выдающихся психологов мира. М. 1995г.
77. Нанейшвили Б.Р. Нанейшвили Г.Б. Предисловие. // Зигмунд Фрейд. “Я” и “Оно”. Тбилиси. 1991г.
78. Немировская Л.З. Фрейдизм и неофрейдизм. // “Философия”. М. 1996г.
79. Общая сексопатология. Руководство для врачей. М. 1977г.
80. Обуховский К. Психология влечений человека. М. 1972г.
81. Овчаренко В.И. Осознание бессознательного. // “Вопросы философии”, 2000г., 10.
82. Ортега-И-Гассет Х. Джоконда. // “Философские науки”, 1990г., 5.
83. Осборн Ричард. Фрейд для начинающих. Минск. 2000 г.
84. Панарин Александр. О державнике-Отце и либеральных носителях “Эдипова комплекса”. // “Завтра”, 2003г., 17.
85. Петровский А.В. История советской психологии. М. 1967г., гл. 2.
86. Прангишвили А., Бассин Ф., Шерозия А. Беспочвенные притязания психоанализа...Размышления после научной конференции. “Литературная газета”, 1980г., 21 мая.
87. Психология личности. Тексты. Издательство Московского университета. 1982г.
88. Психология индивидуальных различий. Тексты. Издательского Московского университета. 1982г.
89. Психология эмоций. Тексты. Издательство Московского университета. 1993г.
90. Прибыткова Л.А. Человек и культура в философии Зигмунда Фрейда. Иркутск, 1994г.

91. Райх Вильгельм. Сексуальная революция. Санкт-Петербург - Москва. 1997г.
92. Рейснер М. Фрейдизм и буржуазная идеология. Вместо предисловия к русскому изданию. // Ф. Виттельс. Фрейд. Его личность, учение и школа. Л. 1991г.
93. Решетников М. Влечение к смерти. Предисловие. // Сергей Рязанцев. Танатология /учение о смерти/. С.Пб. 1994г.
94. Ротенберг В.С. Разные формы отношений между сознанием и бессознательным. // “Вопросы философии”, 1978г., 2.
95. Руткевич А. Послесловие. // Э. Фромм. Миссия Зигмунда Фрейда. М. 1996г.
96. Руткевич А. Миф о герое. // Роже Дадун. “Фрейд”. М. 1994г.
97. Руткевич А.М. от Фрейда к Хайдеггеру. Критический очерк экзистенциального психоанализа. М. 1985г.
98. Руткевич А.М. От психоанализа к экзистенциальному анализу / философские взгляды Л. Бисвангера/. “Философские науки”, 1984г., 1.
99. Руткевич А.М. Человек и толпа. “Диалог”, 1990г., 12.
100. Руткевич А.М. Истоки и первые этапы развития. Курс лекций. М. 1997г.
101. Рощин. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.. 1980г.
102. Рюриков Юрий. Три влечения. М. 1968г.
103. Рюриков Ю.Б. Мед и яд любви. М. 1989г.
104. Рязанов Г., Хорошилова Т. На приеме у доктора Фрейда. “Комсомольская правда”, 1992г, 21 ноября.
105. Рязанцев Сергей. Танатология / учение о смерти /. СПб. 1994г.
106. Радзиховский Л.А. Теория Фрейда: Смена установки. «Вопросы психологии», 1988г.
107. Сартр Ж.-П. Фрейд. М. 1992г.
108. Свядош А.М. Женская сексопатология. М. 1974г.
109. Семенов В.С. Культура и развитие человека. // “Вопросы философии”, 1982г., 4.
110. Симонов П. Сознание, подсознание, сверхсознание. // “Наука и жизнь”, 1975г, 12.
111. Современная западная философия. Словарь. 1991г.
112. Соколов А.В. Функции исходных убеждений в теории З. Фрейда. // “Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1987г., 3.

113. Соколов А.В. Классический психоанализ 70-х годов: начало агонии или трудности роста? // “Вопросы философии”, 1982г., 8.
114. Справочник по психиатрии. Под ред. А.В. Снежневского. М. “Медицина”, 1985г.
115. Стоун Ирвинг. Страсти ума или жизнь Фрейда. М. «Мысль», 1994г.
116. Теории личности в современной западноевропейской и американской психологии. Хрестоматия по психологии личности. Самара, 1996г.
117. Токарев С.А Начало фрейдистского направления в этнографии и истории религии. // “История и психология”, М. 1971г.
118. Немировская Н.З. Фрейдизм и неофрейдизм. В кн. «Философия», М. 1996г.
119. История современной зарубежной философии. Санкт-Петербург. 1997г.
120. Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М.1968г.
121. Уэллс Гарри К. Фрейдизм и его современные «реформаторы». «Вопросы философии», 1959г, 12.
122. Фальшивые пророки. М. 1973г.
123. Фейхтвангер Л. Москва. 1937. // Два взгляда из-за рубежа. М. 1990г.
124. Фенько Анна. Сто лет главной книге Фрейда. “Коммерсант”, 1999г., 4 ноября.
125. Философия любви. В 2х томах. М. 1990г.
126. Фрейд Анна. Краткий словарь психоаналитических терминов. // “Введение в технику детского психоанализа”. М. 1991г.
127. Фрейд. Мы и смерть. // Сергей Рязанцев. Танатология. СПб. 1994г.
128. Фрейд З. Письма к невесте. М. 1994г.
129. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. // “Сумерки богов”, М. 1989г.
130. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого “Я”. // Зигмунд Фрейд. Психоаналитические этюды. Минск. 2001г.
131. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. // «Психология бессознательного». М, 1989г.
132. Фрейд З. «Я» и «Оно». Там же.
133. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Там же.
134. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М. «Наука», 1990г.
135. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. «Философские науки», 1989г.,1.

136. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. // Зигмунд Фрейд. Психоаналитические этюды. Минск. 2001г.
137. Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М. 1993г.
138. Фрейд З Тотем и табу. В кн. «Я» и «Оно» Труды разных лет. Тбилиси. 1991г.
139. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск. 2001г.
140. Фромм. Э. Психоанализ и этика. М. 1993г.
141. Фромм Э. Душа человека. М. «Республика», 1992г.
142. Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда. М. 1996г.
143. Хлебников Георгий. Леонардо пришел из будущего.// “Континент”, 1999г., 13.
144. Холличер Вальтер. Человек и агрессия. “Прогресс”, М. 1975г.
145. Хюбшер А. Мыслители нашего времени. Справочник по философии Запада 20 века. М. 1994г.
146. Цвейг Стефан. Врачевание и психика. Политиздат.1992г.
147. Что скрывается под маской валеологии? М. 2001г.
148. Эфиров С.А. Психоаналитическая социология. // “История буржуазной социологии первой половины 20 века”. М. 1979г.
149. Юнг Карл. Психология бессознательного. М. 1994г.
150. Ярошевский М.Г. Зигмунд Фрейд - выдающийся исследователь психической деятельности человека. Вступ. ст.// З.Фрейд. «Психология бессознательного», М, 1989г.
151. Ярошевский М.Г. Психология в 20 столетии. М.1971г.